

100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТряСЛИ МИР

ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ПРОДОЛЖАЕТ ВЕСТИ ПОСТОЯННУЮ РУБРИКУ ЕЛЕНА САЗАНОВИЧ «100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТряСЛИ МИР», ПРОЕКТ, ПОЛУЧИВШИЙ ГРАН-ПРИ ВСЕРОССИЙСКОГО ФЕСТИВАЛЯ СМИ «ПАТРИОТ РОССИИ» В НОМИНАЦИИ «МОЯ РОССИЯ»

Елена Сазанович, ▲

ЛЕНИН: УБИТЫЙ ДВАЖДЫ
(«ЮНОСТЬ», №01, 2014)



"Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть "свободы" реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах, проституции в виде "дополнения" к "святому" сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность)..."

Это выдержка из статьи Ленина "Партийная организация и партийная литература", написанной аж в 1905 году, в определенное, революционное время. Когда весь мир уже начинал грезить о социализме. Можно запросто убрать слова социализм и коллективизм. Революция и резолюция. Но суть не изменится. Суть статьи, с которой, возможно, вам захочется изучать труды Ленина еще и еще. В первоисточнике, а не по агрессивным "трудам" интернетных критиков. Чтобы самим решить, прав был он или нет. Чтобы самостоятельно понять историю нашего

государства, его философию, его мораль, его ошибки, его победы, его поражения.

"Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество!" А вот так. Потому что "жить в обществе и быть свободным от общества нельзя". Нельзя было с начала существования на земле. Нельзя теперь. И нельзя будет потом. Или кто-то не согласен, что "свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания."? Или кто-то мечтает попасть в "в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений"? Возможно, и мечтает.

Но идея этой статьи - в идейности. В неизбежности идейности литературы и искусства. И только тогда возможны для нее и свобода и всеобщая популярность. И потом, положи руку на сердце, в наш век всеобщей агрессивной свободы разве каждый литератор не партийный? Не важно, что у него нет партбилета. В котором написано, что он принадлежит партии патриотов или демократов, националистов или интернационалистов, партии олигархов или экзархов. Важно другое. И это уже поправка к нынешним обстоятельствам. Всех этих "партийцев" объединяет одно. Как ни парадоксально - приверженность к единой партии - АНТИвласти. И чем больше и сильнее пнуть власть словом, как ногой, тем больше шансов, что это слово станет популярным и премиальным. Вне зависимости от уровня таланта "партийцев". Вот такая сегодня у нас партийная организация и партийная литература.

Ленин, один из самых известных политических деятелей, такое предвидеть не мог. Он высочайший интеллигент, владеющий 11 языками не мог предугадать, что народ окажется недостойным ни справедливого общества, ни даже мечты о нем... Что народ не победили. Он сдался сам. И сам добровольно дал себя победить. Но даже по одним названиям ленинских трудов можно изучить и дореволюционную историю России и послереволюционную. А, возможно, лучше всего понять - сегодняшнюю, современную. Нашу с вами историю.

Ленин был уверен, что «Развитие капитализма в России» губительно. Он знал "Как прячут прибыли господа капиталисты". И каково "Издевательство капиталистов над народом". Он знал, каков "Капитализм в сельском хозяйстве", каковы "Капитализм и иммиграция рабочих", "Капитализм и налоги", "Капитализм и "парламент", "Капитализм и печать". И мог одинаково легко оценить

"Итоги выборов в Петербурге" и "Итоги и значение президентских выборов в Америке". И "Крупный успех китайской республики". Он понимал «Что делать?», чтобы не получилось «Шаг вперед, два шага назад». Он выступал «О праве наций на самоопределение». И как нужно обратиться "К невозможным селянам Украины". И знал, что такое "Социализм и война" и "Как добиться мира?" Он видел "Левение" буржуазии и задачи пролетариата". И предвидел "Либеральное подкрашивание крепостничества" и особенно "Либеральное развращение рабочих". И, безусловно, "Либеральные надежды на Думу". И представлял себе, что такое "Классовый сдвиг". И представлял, что может сказать "Либеральный профессор о равенстве". Поэтому понимал "Как голосовать на выборах в Петербурге". И спрашивал "Исчезло ли двоевластие?" А еще он был уверен, что "Лучше меньше, да лучше" и "Лучше поздно, чем никогда". А любая "Ложка дегтя в бочке меда" может оказаться для страны смертельной. И не следует забывать, что "Кровавые дни в Москве" возможны. И следует помнить, что такое "Последнее слово русского либерализма". И что такое "Российская "свобода слова". Ко всему прочему "Русский радикал задним умом крепок!" Особенно, когда все громче "Истерика, потерпевших поражение". Особенно, когда народ не различает "Мнимое или действительное болото?"... А еще он разработал «Задачи союзов молодежи». Четко определил «Что такое советская власть?» и каков у нее «Великий почин»... Но главное - "Ясность - прежде всего!"

Рузвельт внимательно изучал труды Ленина, чтобы вывести свою страну из кризиса. Так, об этом свидетельствуют многочисленные одобрительные пометки, оставленные Рузвельтом на полях книги «Грозная катастрофа и как с ней бороться»...

Общий тираж произведений В.И.Ленина, изданных в СССР, составлял на 1 июля 1985 года свыше 622 миллионов экземпляров на 68 языках народов СССР и 54 языках народов зарубежных стран. Более чем в пятидесяти странах - Англии и Франции, США и Бразилии, Италии и Швеции, Финляндии и Индии, Чехословакии и Польше, Болгарии, Вьетнаме и других - систематически издавались труды В.И.Ленина. Ныне труды В.И.Ленина изданы в разных странах на 134 языках.

В январе исполняется 90 лет как умер основатель первого в мире Советского социалистического государства. 27 января был сильный трескучий мороз. Пронизывающий холод. На Красной площади раздались звуки траурной музыки. Они смешались с завыванием ледяного ветра и ледяной метели. И льдинки, как слезы, застывали на флагах и транспарантах. На тысячах лицах молчаливо идущих за гробом людей. И сиренами загудели тысяча фабрик и заводов. И грянул залп орудий. Гроб с телом Ленина был перенесен в мавзолей. Новая жизнь, начатая Лениным, продолжалась.

В это же время трудящиеся всего мира прощались со своим вождем и защитником. Остановились работы на фабриках и заводах. Остановились автомобили и поезда. Целых пять минут прогрессивный и трудовой мир молчал. Целых пять минут животного страха для мира реакционного и праздного. Пожалуй, за пять минут, можно перевернуть мир. Или хотя бы сознание мира...

Спустя 70 лет Ленина убили во второй раз. Морально. Оказывается, убить дважды возможно. Еще как. Дважды распять. И второе убийство более изощренное, более бесчестное. Его признали неправым. Впрочем, Ленин был левым. Получается, что остальной мир был прав? Давайте подумаем, каков был этот мир? Насколько добрым, пушистым, милым и справедливым. Давайте вспомним. Этот правый, правый, правый, правый мир. И не забудьте о расстрелах рабочих за рубежом, о массовых митингах и манифестациях протеста, о тюрьмах, наполненных политзаключенными, об экономических и политических кризисах, о голодных, бездомных, безработных. Об "охоте на ведьм", о разминках в виде бомбежек "неудобных стран". И, безусловно, о фашизме. Этот мир был прав? Или правы те, кто сегодня прорубает на гладком асфальте болото? Впрочем, они действительно правые. Очень правые.

Леон Фейхтвангер: «Гуманист» видит свободу в позволении публично бранить правительство. Ленинский подлинный гуманист считает, что свободен тот, кто свободен от страха перед безработицей и голодной старостью, кто свободен от страха за судьбу своих детей...» Теодор Драйзер: "Каков бы ни был ближайший исход этой борьбы, Ленин и его Россия, гуманность и справедливость, которые он внес в управление страной, в конечном счете победят." Бернанд Шоу: "Если будущее будет таким, каким его предвидел Ленин, тогда мы все можем улыбаться и смотреть в будущее без страха. Однако если эксперимент его будет сорван и кончится неудачей, если мир будет упорствовать в сохранении капиталистического развития, тогда я должен с большой грустью проститься с вами, мои друзья..." Уинстон Черчилль: "Его предназначение - спасти мир; его метод - взорвать этот мир..."

Ленин лежит в Мавзолее на Красной площади. Недалеко – его соратники и товарищи по идее. Там же возвышается храм Василия Блаженного. И там же – президентская резиденция... Идея, религия, власть. На Красной площади. Трехединая основа государства. Кто более матери истории ценен? Судя по всему – сегодня уже никто. По ним играют в хоккей и футбол, устраивают концерты и шоу, катаются на коньках. И перед Лениным, и перед Василием Блаженным, и перед президентом. Весело живем! Показательные выступления для тех, кого сегодня хотят уничтожить. С молчаливого согласия народа. Что ж. Доиграемся, докривляемся, докатаемся. Впрочем, сегодня еще правы те, кто не прав. А завтра еще не наступило...

Каждый великий человек спорен. И каждый великий стремится постигнуть истину. Которая, возможно, и непостижима. Но это не значит, что ее где-то нет. Ленин пытался постигнуть ее по-своему. Нравится нам это или нет. По-своему пытались ее отыскать еще 99 писателей и мыслителей, которые потрясли мир. Нравится нам это или нет.

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ. КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ («ЮНОСТЬ», №02, 2014)



«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире: борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее. Охваченный этими мыслями, Корчагин ушел с братского кладбища...»

Еще лет 25 назад эта цитата из романа "Как закалялась сталь" была настолько заученной, настолько замученной, что, казалось, утратила свой абсолютно сокровенный, абсолютно вымученный смысл. Сегодня она выглядит настолько нежданной, настолько нежданной, что

вызывает недоумение и абсолютное непонимание этого смысла. И, тем не менее, она остается абсолютной правильной и вчера, и сегодня, и завтра. Ведь от перемены места человека во времени и пространстве смысл жизни его не меняется. Желает он этого или нет.

Островский не мог не написать этот роман. Потому что вся его такая короткая долгая жизнь была романом. Таким художественным и таким сложным. Таким смелым и таким светлым. Таким лиричным и таким драматичным. Вся его жизнь была героическим романом. Роман-эпопея, роман-баталия, роман-история, роман-трагедия. Впрочем, для кого-то сегодня это роман – приключение. А для некоторых просто фантастика. Впрочем, невероятную правду можно назвать фантастикой. И все же она остается правдой.

Островский прожил всего 32 года. Но сколько всего за 32 года... прожито! Из них четырнадцать лет тяжело болел. Последние семь лет был слепым. А «вместо радостной юности, радостного детства нас ждал изнурительный капиталистический труд от утра до поздней ночи буквально за кусок хлеба». С 15 лет будущий писатель в буре Гражданской войны. Он и его товарищи, «Рожденные бурей». И они в этой буре выстояли. Когда погибали в гражданскую, когда строили узкоколейку и умирали от тифа, когда их смертельно ранили бандитские пули. И они все равно победили. Чтобы уже никогда не проиграть. Они никогда и не проиграли. Мы проиграли за них.

После тяжелого ранения, слепой, прикованный к постели, Островский пишет знаменитый роман о становлении Советской власти и героической жизни комсомольца Павла Корчагина - "Как закалялась сталь", ставшим одним из лучших образцов социалистического реализма. По жизни боец, он находит для своей борьбы новое оружие - слово. Он, всю жизнь сражавшийся на передовой, теперь воюет с новыми врагами – своими физическими недугами. Как всю жизнь он их презирал! И они, как назло, словно зная об этом презрении, с новой силой, все чаще и чаще атакуют его со всех сторон. Испытывая и испытывая его снова и снова. На мужество. Как-то в интервью с корреспондентом английской газеты "Ньюс кроникл" писатель сказал: "Я не герой на час. Я победил все трагедии своей жизни: слепоту, неподвижность, безумную боль. Я очень счастливый человек, несмотря на все..."

Николай Островский из жизни дерзко ворвался на страницы своего произведения "Как закалялась сталь" и стал героем романа Павкой Корчагиным. Павка Корчагин дерзко вырвался из романа в жизнь и стал героем. И не только Островским. Он стал Алексеем Маресьевым, Зинаидой Тусноловой, Николаем Рыбалко, Николаем Бирюковым, Эдуардом Асадовым, Василием Смысловым...

Как жаль, что всех не перечислишь... Они смогли не просто выжить и пережить свои болезни и боли. Они смогли гораздо больше. Полюбить от всей души жизнь. И от всей души по-прежнему служить ей. Не только им нужна была жизнь. Они ей были нужны не меньше, а, возможно гораздо, гораздо больше. Потому что жизнь уже знала, на что эти люди способны. На фантастичную правду. Которая оставалась правдой. Они невозможное сделали возможным. Нереальное - реальным. Непреодолимое - преодолимым. Незрячие, неподвижные, испытывающие безумную боль, они видели больше, чем многие. В них энергии было больше, чем у многих. Они чувствовали себя здоровее, чем многие. И главное - они были счастливее многих. И все они говорили приблизительно одно: мы выжили и победили только благодаря Островскому и Корчагину.

Группа гвардейцев-Героев Советского Союза как-то написала в московский дом-музей Н.А. Островского: "И когда мы вернемся домой после победы, мы принесем вам не один томик "Как закалялась сталь" с простреленными и обожженными страницами, чтобы могли видеть, как вместе с нами на всех фронтах сражался за Родину ее бессмертный сын, наш друг и брат Корчагин-Островский..." И еще: "Жаль, что нет обычая награждать книги..." Без преувеличения, "Как закалялась сталь" достойна самой высокой боевой награды.

Кстати, для этого и повод есть. В этом году исполняется 80 лет как в 1934 году журнал «Молодая гвардия»

опубликовал этот роман, а в сентябре мы будем отмечать 110 лет со дня рождения самого Николая Алексеевича Островского.

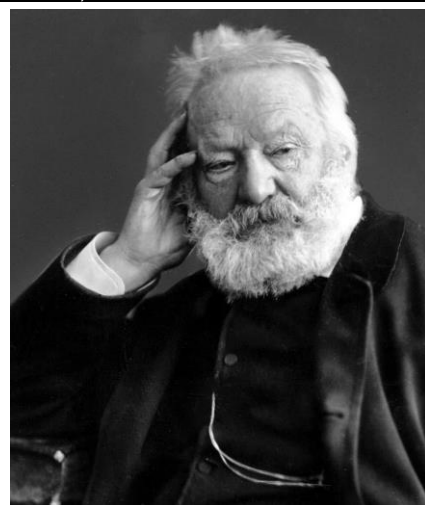
Однажды Горький изрек: "Есть только две формы жизни: гниение и горение..." Не нужно быть мудрецом, чтобы понять, какая жизнь была у Николая Островского. И не нужно быть слишком умным, чтобы понять, кто до сих пор смеет бросать камни в личность писателя Островского и комсомольца Корчагина. И они смеют! Еще как! Те, кто так и не понял смысл единственной своей жизни и кому нисколько не больно за бесцельно прожитые годы. И кого не сжигает позор. Это те, кто выбрал не горение, а гниение. По-прежнему зная, что жизнь дается один только раз.

Советский режиссер, народный артист Республики В. Мейерхольд вспоминал: «Я имел однодневную беседу со Львом Толстым, много беседовал с Антоном Чеховым – и Николая Островского я ставлю третьим. Такая необычная культура, такое необычное проникновение в правду жизни, такая способность понимать, что такое искусство».

«Дорогой друг Николай Островский! – писал французский писатель, лауреат Нобелевской премии Ромен Роллан. - Ваше имя для меня синоним редчайшего и чистейшего нравственного мужества. Ваша жизнь есть и будет светочем для многих тысяч людей. Вы останетесь для мира благотворным, возвышающим примером победы духа над предательством индивидуальной судьбы. Вы стали единым целым с Вашим великим освобожденным и восресшим народом». Посетивший в 1936 году Союз другой знаменитый француз Андре Жид, будущий лауреат Нобелевской премии, также встречался с Николаем Островским. В своем «Возвращении из СССР» он написал об этой встрече: «Я не могу говорить об Островском, не испытывая чувства глубочайшего уважения. Если бы мы были не в СССР, я бы сказал: "Это святой". Религия не создала более прекрасного лица. Вот наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия. Достаточно горячего убеждения, без надежды на будущее вознаграждение. Ничего, кроме удовлетворения от сознания выполненного сурового долга...» Еще один французский писатель, лауреат Гонкуровской премии Анри Барбюс назвал Николая Алексеевича "советским Иисусом Христом".

Именем Николая Островского названа планета Солнечной системы. А может он и впрямь был человеком с другой планеты? На которую нам уже никогда, никогда не попасть. Впрочем, как знать... Если звезда Островского по-прежнему светит, горит, пылает. Как и звезды еще 99 писателей, которые потрясли мир.

ВИКТОР ГЮГО. ГАВРОШ И ОТВЕРЖЕННЫЕ («ЮНОСТЬ», №03, 2014)



Гюго писал около семидесяти лет. По сути, он всю жизнь писал об отверженных. "Я всем поверженным и угнетенным друг". По сути, он всю жизнь писал "Отверженные". 26 томов стихотворений, 20 томов романов, 12 томов драм, 21 том философских и

теоретических работ. Всего 79 томов! Под одним названием - "Отверженные". Хотя сам он никогда отверженным не был... Он родился в семье наполеоновского генерала, с детства много путешествовал. С ранней юности получал награды и литературные премии. И с ранней молодости познал успех. Который ему никогда не изменял. Он был членом Французской академии. Он был членом Национального собрания. Он одно время даже был сенатором. В день 79-летия писателя во Франции объявили настоящий национальный праздник. Его дом завалили цветами. В сотый раз шел спектакль «Эрнани» с участием Сары Бернар. В день смерти писателя в возрасте 83 лет во Франции объявили национальный траур, продолжавшийся десять дней. В церемонии торжественных похорон участвовало около миллиона человек. А в 1952 году по призыву Всемирного совета мира прогрессивная общественность широко отметила 150-летие со дня рождения Виктора Гюго. Великому французскому писателю справедливо рукоплескал весь мир. Успешная творческая судьба. И при жизни. И после нее. И все же...

Его творческая судьба, как и его жизнь - это противоречия и парадоксы. Он был идеалистом и реалистом. Романтиком и прагматиком. Он хотел примирить непримиримое. И верил, что жестокость, подлость и зло можно спасти милосердием. Его много публиковали, его много восхваляли. И при жизни, что редкость. И после нее. Его много критиковали и много запрещали. Что не редкость. И при жизни, и после нее. Он не один раз платил и за вольнолюбивые взгляды. И за яркий талант. И за революционность суждений. "Революция не случайность, а необходимость... Она есть потому, что ей следует быть".

Долгая, бурная жизнь Виктора Гюго - целая историческая эпоха. Долгая эпоха бурной революционной Франции. Буржуазная революция 1789 года. Революции и народные восстания 1893-1834 и 1848 годов. Наконец, первая пролетарская революция - Парижская коммуна 1871-го. Это его жизнь и это его творчество. Это его революции и его эволюции. Как поэта. Как гражданина. Как человека. Мятёж в "Соборе Парижской богородицы" перерастает в республиканское восстание "Отверженных" и заканчивается апофеозом революции "Девяносто третьего года".

А ведь Гюго всегда мог быть осыпан королевскими почестями, быть благополучным буржуа и пэром Франции. Но он выбрал другую дорогу. Дорогу сопротивления. Которая увела его из родной Франции, но привела к сердцу простого народа. Почти 20 лет он находился в изгнании ("Вернусь во Францию тогда, когда туда вернется свобода"). Он потерял все, но он сохранил честь. Вместе с ним сохранила честь Франция. И она была ему всегда благодарна.

Хотя врагов у него было немало. И при жизни, и после нее. И после нее, возможно, даже больше. Кто пытался и пытается до сих пор принизить, унижить, осквернить, очернить, оспорить его неоспоримый гений. Не зря Ромен Роллан как-то заметил, что самый верный путь во Французскую Академию - "втоптать в грязь Виктора Гюго". Может, потому, что он еще в 1870 призывал народ к борьбе с пруссами: "Организуем грозную борьбу за родину... Защищайте Францию героически, с отчаянием, с нежностью! Будьте грозны, о патриоты!" Спустя 70 лет новым аккордом зазвучал гневный голос Гюго. И французский народ его вновь услышал. Фашисты Гюго этого не простили. И безжалостно уничтожили бронзовый памятник великому писателю в Париже.

Впрочем, разве могли его простить и буржуа, когда о них он с откровенной неприязнью писал в Отверженных: "В глубине их совести такой навоз, такая клоака, что от них шарахнется любая коровница, сморкающаяся в руку". И уже после войны во время празднования 2000-летия Парижа на место, где раньше возвышалась бронзовая статуя, вандалы втащили модель фордовского автомобиля.

И все же сам Гюго никогда отверженным не был. И тем более ценен его талант, посвященный отверженным, выброшенным за борт жизни. "Малым и несчастным".

Отверженные - это и бывший каторжник, и проститутка, и беспризорные дети.

Это они отлучены от света, радости, мира. Отлучены от человеческих прав. Тот, кто с высоты не боится смотреть вниз и не боится оказаться внизу, чтобы помочь другим подняться наверх - обречен на бессмертие. Потому и бессмертен его главный роман-эпопея "Отверженные". "Общество, которое допускает бедность и несчастье, человечество, которое допускает войну, мне кажется обществом и человечеством низшего рода, а я стремлюсь к обществу и человечеству высшему..."

Гюго справедливо считал, что в искусстве и литературе надо изображать не обыденное, а исключительное. Он тысячу раз прав. Жизнь мы можем вдоволь почерпнуть из газет и из собственной жизни. Мы знаем, как мы живем. Но мы не всегда знаем, как нам жить. Вернее мы почти никогда этого не знаем. Литература и искусство, пожалуй, первые, а, возможно, единственные, кто нам сможет ненавязчиво помочь разобраться в жизни. И в смерти. Литература и искусство, возможно, единственные, кто способен возвысить обыденное, мелкое сделать великим и даже исправить зло. Путем милосердия. Как мечтал об этом Гюго.

На протяжении всей книги длится внутренний спор революционера с проповедником. Это в том числе спор Гюго-идеалиста с Гюго-бунтарем. Писатель не стесняется быть откровенным романтиком. И мечтателем. Откровенным философом. И даже моралистом. И мир писателя откровенно и вызывающе контрастен. По левую сторону добро. По правую - зло. И предельно ясно на чьей стороне автор. Добро и зло воюют между собой. Иногда на смерть. Иногда сами с собой. Иногда в человеке. Чаще всего - в обществе. И герои Гюго откровенно хорошие или плохие. И хорошие зачастую верят, что смогут исправить плохих. Духовным возрождением.. Как искренне верил в это писатель.

Его герои и подчинялись ему, и нет. Милосердие зачастую исправляло их (как главного героя, бывшего каторжника Жана Вальжана), но помимо воли автора они частенько выходили на баррикады. И там погибали. Даже дети. Как этот милый чумазый оборвыш Гаврош. Этот трогательный и щедрый мальчишка. Этот озорной и смелый сорванец в большой кепке. История Гавроша - одна из самых трогательных в мировой литературе. Это маленький рассказ "как маленький мальчик и большой герой был убит" гармонично ложится в большой роман. Книжка в книге, как и сказ о Мальчише-Кибальчише.

Кульминационные главы - бои на баррикадах. В том числе смерть Гавроша под его веселую песенку. Одна пуля - новый куплет, вторая, третья, четвертая - новый куплет. Беспорядочность и жестокость выстрелов. Под беззаботную песенку Гавроша. И вот пуля, которая не ошиблась. Тонкая струйка крови потекла по лицу мальчишки, а он снова запел. Его песню мы так и не услышали, автор нам ее не сочинил, это было не нужно. Но почему эта веселая песенка Гавроша заставляет плакать детей?! Которые еще могут думать, что зло возможно победить одним милосердием. И взрослых, которые уже так не думать не могут. Хотя именно Гаврош, как и Жан Вальжан, воплощает лучшую особенность отверженного народа - милосердие.

Роман "Отверженные" становится истинно народным. Авантюра становится классовой драмой. Романтика - героикой. Проповедование - философией. Его автор - бессмертным. И не только во Франции. Роман сразу же перевели на многие европейские языки.

Царь Александр II посчитал книгу опасной для общества и издание ее приостановили. Русские заповсем читают ее по-французски. "Отверженные" становится любимым произведением Достоевского и Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Толстого.

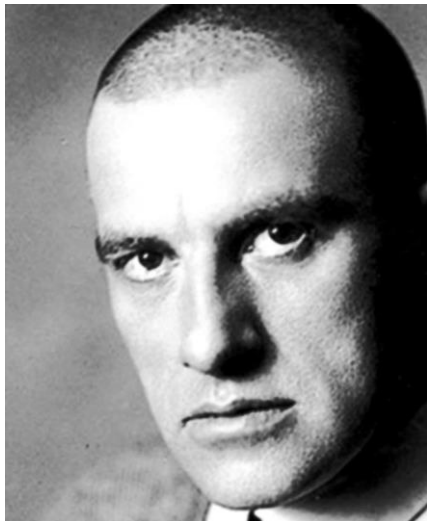
16 сентября 1862 года в Брюсселе на банкете устроенном в честь романа «Отверженные», Гюго сказал: «Одиннадцать лет назад вы провожали почти совсем молодого человека, сейчас перед вами старик. Волосы изменились, сердце — нет». Его пощадило время. И при жизни. И после нее.

ГОД ЛИТЕР ▲ ТУРЫ

«Время, стирающее с лица земли холмы и пригорки, щадит высокие горы. Над океаном забвения, поглотившим столько творений XIX века, архипелаг Гюго гордо вздымает свои вершины, увенчанные яркими образами», - написал Андрэ Моруа. Океан забвения поглощал пригорки и XVIII века, и XIX, и XX. Неизбежно он поглотит и пригорки XXI. Сколько бы на этих пригорках не толпилось «успешных» сочинителей, забрасывающих друг друга комочками грязи. А вечно цветущие вершины Виктора Гюго бесспорно останутся. Навсегда. Как и вершины еще 99 писателей, которые потрясли мир.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. "СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ"

(«ЮНОСТЬ», №04, 2014)



"Быть Маяковским очень трудно", - точно изрек Корней Чуковский. Еще как трудно! Как трудно быть красивым, как трудно быть смелым, как трудно быть совестливым, как трудно быть идейным и как трудно по-настоящему любить свою многонациональную родину. Как трудно быть, в конце концов, гениальным! А если этого слишком? А если всё это в одном лице? А если всё это вмещается в одну жизнь? Такую короткую, такую пламенную жизнь.

А жизни у него было всего 37 лет. Человек-триумф. Советский поэт-новатор, драматург, публицист, художник, революционер. В революционную борьбу вступил в 15 лет и остался верен ей до конца жизни. Еще в юности трижды подвергался арестам. По силе, мощи, новаторству поэзии Маяковскому нет равных.

Творчество Маяковского – это летопись нашей страны. Это гимн советскому человеку. Это триумф победы над злом. Пожалуй, после Пушкина лишь Маяковский совершил новый рывок в развитие русской поэзии и русского языка. Хаос ритм он сумел сделать гармонией. Беспорядок ритмов он сумел превратить в музыку. И эту музыку хочется слушать. И даже если ее читаешь с листа - она слышится, громко, еще громче, еще и еще. Уверенно, во весь голос. Более того, Маяковский утверждал, что поэт – это, прежде всего, боец. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!..» Впрочем, раньше все поэты были бойцами. Но таким бойцом первым стал Маяковский. Свою поэтику и патетику, свой пафос и эпос, свой оптимизм и авангардизм, свое жизнелюбие и свою жизнь он отдал новой стране, «чтобы выволочь республику из грязи», чтобы защитить «мою революцию».

Интернационалист по убеждению, интернационалист по происхождению. Русский, украинец, грузин? Он называл себя советским поэтом. Потому что жил в Стране Советов. "Читайте, завидуйте, я гражданин Советского Союза!" Уже нет Советского Союза, уже нет понятия - советский гражданин. А Маяковский останется. Советский поэт Маяковский. И не только он...

Маяковского переводить сложно, точнее - невозможно. И тем не менее он был одним из самых переводимых поэтов молодой республики. Еще при жизни. Очередной парадокс. Его переводили на английский, французский, немецкий, чешский, польский. И даже на японский,

корейский, китайский. Он издавался в Индии! И это при таком изобилии авторских символов, неповторимой стилистике, вызывающих неологизмов и прочих всяких измов! Плюс, безусловно, политичность и идейность нашей страны. Еще один вызов автора. Меня перевести невозможно! Но пробуйте - я перевожу! Маяковский стал учителем для Луи Арагона, Пабло Неруда, Иоганнеса Бехера.

И парадокс ли это? Загадка ли это? Или все проще. Маяковский - это человек будущего. И поэт будущего. Не смотря на то, что он воспевал конкретную эпоху конкретной страны. Сколько мы бы не читали его вчера, сколько бы не читали сегодня. Он еще впереди. Он улыбается своей широкой улыбкой. Он переминает свою папиросу с уголка левого в правый. И наоборот. Попробуйте, догоните. Эпоха, которую пел Маяковский, давно ушла в прошлое. А он ушел в будущее. И в прошлом, и в будущем остался "Владимир Маяковский", который запросто умел сыграть на "Флейте-позвончике", который четко знал "Что такое хорошо и что такое плохо?" и где "Война и мир". И в прошлом, и в будущем остался его "Владимир Ильич Ленин" и посвящение его погибшему "Товарищу Нетте, пароходу и человеку". И даже при этом Маяковский "Во весь голос" заявлял: всё будет "Хорошо!"

Конечно, будет. Будем надеяться, будет. И хорошо будет. И будущее будет. Для нашей страны. И особенно в это веришь, когда веришь в "Стихи о советском паспорте". Когда-то они были обязательными, хрестоматийными. Без них не обходился ни один праздничный вечер. И каждый школьник их знал наизусть. Возможно, потому они обесценились. Потом они обесценились вместе со страной. И фактически были забыты. Пожалуй, пришло время вспомнить. И Родину, и Маяковского, и паспорт. Даже если государство уже другое. И герб другой. И флаг. И это уже не "молоткастая, серпастая... краснокожая паспортина". А Родина осталась. И "Стихи о советском паспорте", возможно, теперь звучат с новой силой. Силой голоса Маяковского. Человека и гражданина. Поэта и пророка. Патриота и интернационалиста.

Маяковский часто бывал за границей, достойно представляя молодую республику Советов. Он прекрасно знал, чем сильнее мы становимся, тем сильнее ненависть к нам. Более того, он прекрасно знал, что это, увы, надолго, если не навсегда. И сколько бы мы не делали реверансов в сторону Запада, сколько бы не шли на уступки, сколько бы не принимали их игр в демократию, более того - игру в капитализм, они нас любить не будут. Есть такая международная профессия - нас не любить. И Маяковский дает достойный ответ своими стихами о паспорте. В том числе и за нас, ныне живущих. "К любим / чертям с матерями / катись / любая бумажка. / Но эту...

Самое поразительное, что почти 100 лет прошло с написания стихотворения, практически ничего не изменилось. Также "с почтеньем / берут, например, / паспорта / с двухспальным / английским левою." Также "берут, / как будто берут чаевые, / паспорт / американца." Также "на польский - / выплывают глаза / в тугой / полицейской слоновости - / откуда, мол, / и что это за / географические новости?" Также "и чувств / никаких / не издевав, / берут, / не моргнув, / паспорта датчан / и разных / прочих / шведов".

Вообще, такой короткий стих - и такие яркие персонажи, такая мощная драматургия, такая незабываемая коллизия! В одном стихе.. Где отражается и сила нашей Родины, и вечный страх перед нашей страной. Пожалуй, с такими поэтами, как Маяковский, можно быть уверенным в будущем нашей державы. Без преувеличения, Маяковский нас учит гордиться своей страной. И есть чему у него поучиться. «Маяковского нужно читать всем вместе, чуть ли не хором (ором, собором), во всяком случае, вслух и возможно громче, что с каждым читавшим и происходит. Всем залом. Всем веком», - писала Марина Цветаева. И так – за веком век.

Маяковский погиб 84 года назад, в апреле. И его смерть до сих пор склоняют со всех сторон. Любят у нас про смерть. Ведь жизни так мало осталось на каждом. Настоящей жизни. В которой жил Маяковский... Считают, что его убило НКВД. А кого оно только не убило? Кажется, уже

всех. Разве что только не Пушкина... И то можно поспорить... Ведь в 37-м погиб, ну и что, что в другом веке. Все равно виновато НКВД: «А часовню тоже я развалил?..» Только не понятно, кто же остались? И кто тогда мог создать такое уникальное государство? Когда всех убили?..

Маяковский сам поставил точку в своей жизни. И после него остался восклицательный знак.

Его памятник сейчас стоит на Триумфальной площади (до 92-го – площади Маяковского). Ну и пусть изменили название. Все равно этот человек – триумф. Над бездарностью, пошлостью, низостью, аполитичностью и равнодушием. Этот человек – триумф государства, которое было и, наверняка, когда-нибудь, ну когда-нибудь, еще будет. Не потому ли и теперь многие его хотят принизить, обезобразить и просто убить. Но как можно принизить высоту? Как можно обезобразить талант, если он бесконечно прекрасен. Как можно уничтожить жизнь. Если она дана на века. Пусть и не здесь... Вы просто подойдите к памятнику на... Триумфальной площади и посмотрите на него. Снизу вверх... Владимир Владимирович!.. Сверху вниз – никогда не получится.

«Послушайте! / Ведь если звезды зажигают – / значит – это кому-нибудь нужно?..» Его звезда одна из самых ярких на поэтическом небосклоне. И загасить ее не получается. И не получится. Потому что это всегда кому-нибудь нужно. Сегодня, возможно, как никогда... "Значит — это необходимо, / Чтобы каждый вечер / Над крышами / Загоралась хоть одна звезда!.." Она обязательно загорается. Каждый вечер. Звезда Маяковского. Как и звезды еще 99 писателей, которые потрясли мир.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАДЕЕВ. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
(«ЮНОСТЬ», №05, 2014)



И все-таки ему было проще. Александру Александровичу Фадееву. Как ни дико это звучит. И всё равно проще. Ему, прожившему такую непростую жизнь. Родившемуся в семье профессиональных русских революционеров. И самому ставшим убежденным революционером. Ему, воевавшему в Гражданскую войну. В Особом Коммунистическом отряде красных партизан против Колчака, в подавлении Кронштадтского мятежа. Ему, активно занимающемуся партийной деятельностью после революции. Ему, ведущему общественную литературную работу

И всё равно ему было проще. Как ни дико это звучит... Даже когда был на Ленинградском фронте. Даже когда три месяца смотрел прямо в лицо смерти. От невозможности жить. Смерти детей, смерти женщин, смерти стариков. Смерти людей, наших людей. От невозможности жить. Смерти в блокадном Ленинграде. И все-таки ему было проще. И даже взлет вверх, на литературный Олимп. И даже падение вниз - с литературного Олимпа... И всё равно ему было проще. И даже, даже смерть. Которую он

выбрал сам для себя. Всё равно, всё равно проще. Как ни дико это звучит...

Он прожил пламенную жизнь. Он выбрал пламенную смерть. Но самое страшное - это когда память тушат как обыкновенный окурок. Обыкновенный. Ничтожные люди, которые просто могут курить. И смеяться. И еще - тушить память. Как окурок. Смеющийся окурок.

И все-таки ему было проще. Потому что мир - вообще проще. И жизнь, как ни банально звучит, очень проста. Он знал, что такое добро и зло. И только здесь проходит граница. И только здесь выдаются паспорта и визы. А остальное... Так просто.

Только поэтому Фадеев написал очень простой роман "Молодая гвардия". Только поэтому этот простой роман до сих пор может помочь. Всем нам. Помочь не просто выжить. Но еще и понять. Где эта граница. Добра и зла. И на чьей мы стороне. И за что? За что мы боремся. И за что нам всё это выпало.

Впрочем, в каждой мировой литературе есть своя Библия. Хотя Библия неизбежно остается для всех... В каждой мировой литературе есть то, что обязательно нужно прочесть. В нашей, русской, в нашей, советской - это "Молодая гвардия". И не один священник этого не сможет отрицать! И ни одна религия. Это книга про верующих людей и про их настоящую веру.

Есть странная история в истории литературы. Можно не читать, но думаешь, что и прочитал. Это и Онегин. Это и Овод. Это и Анна Каренина. Вроде бы и прочитал. Но понимаешь - что нет. Непонятно о чем это говорит: о именах нарицательных или о силе произведения. Наверное, все равно - о силе. Но "Молодая гвардия" именно из этих, очень сильных произведениях. Если кто-то даже его не читал, он уже все равно знает куда идти. И за что. Это и есть сила.

Фадеев написал именно сильный роман. Уже потом можно сказать, что талантливый или гениальный. Он написал роман, который не просто помогал и помогает жить. А жить, зная, что все равно умрешь. Многие ли понимают это? Когда все равно умрешь... А если умрешь во имя Победы?

Фадеев родился не на Украине. И не жил там. Он был просто советским писателем, который написал роман об украинском городе Краснодон, оккупированном фашистами, о юных украинских комсомольцах, которые даже без помощи взрослых создали свою подпольную организацию. И у каждого была своя жизнь. И она была! Если бы не фашисты... У Олега Кошевого, очень правильного и идейного, в свои юные годы знавшего, что может знать... У Ульяны Громовой, умной девочки, постоянно читающей классиков. У Любы Шевцовой, мечтающей стать артисткой... У всех, всех молодогвардейцев...

Ведь всё проще... Фадеев сделал, создал намеренное количество контрастов. Да, есть жизнь и смерть. Есть черное и белое. Есть добро и зло. И больше - вообще ничего... А потому молодогвардейцы ведут открытую борьбу. Один на один. Они – и фашисты! Выхода нет. И все! И они победили! Они, комсомольцы-молодогвардейцы, зверски замученные фашистами. А еще – и мы. Так что и мы обязаны победить. Мы, на которых наступают новые фашисты...

Это было настоящее поколение. Целое поколение настоящих людей. Которое не сломалось. Которое во весь рост поднялось на борьбу с врагом. Не на жизнь, а на смерть... И их борьбу венчает "Интернационал". В конце романа. В конце из жизни...

Оказывается, сложной оказалась не жизнь. И даже не смерть. Сложным оказалось всё, что после. И это уже звучит дико. Оказывается, можно уничтожать и прошедшую жизнь, и прошедшую смерть. Проще говоря - память. Неизвестно, как это можно пережить. Даже после жизни. Мы переживем. Должны пережить. Даже это.

"И что бы ни делали, ни думали, ни говорили люди в этом великом потоке людского горя — шутили ли они, придремывали, кормили детей, заводили знакомства, поили лошадей у редких колодцев, — за всем этим и надо всем незримо простиралась черная тень, надвигавшаяся

из-за спины, простершая крылья уже где-то на севере и на юге, распространявшаяся по степи ещё быстрее, чем этот поток. И ощущение того, что они вынужденно покидают родную землю, близких людей, бегут в неизвестность и что сила, бросившая эту черную тень, может настичь и раздавить их, — тяжестью лежало на сердце у каждого..."

Черная тень. На каждого. И на маленький Краснодар. И на большую Москву. Черная тень. Как сегодня. Черная тень на сердце. Избежим ли мы ее? Даже если сделаем кардиограмму. Если есть сердце - да. А если его нет - как у многих? Впрочем, многих не так уж и много... И это знали молодоговардейцы. Украинские воины, которые смогли победить смерть. И сохранить свои сердца. Навсегда. Даже если рушат памятники. Сердце ведь не разрушишь. Даже после смерти...

У нас давно не было молодоговардейцев. Увы, но — даже такой ценой - они сегодня уже появились... У нас давно не было героев. Увы, но — даже такой ценой - они стали рождаться... Наконец-то! Как ни дико это звучит. Потому что государство без героев - это уже не государство. Не наше государство...

У нас все равно осталась страна. Страна Пушкина, который не из русских. Достоевского, который не из русских. Гоголя, который не из русских. Шевченко, который не из русских. Колоса, который не из русских. Джалиля, который не из русских. И Межелайтиса, который тоже не из русских... Такая страна. Русская. И мы ее очень любим. Во всяком случае - мы ее очень и очень полюбили. Сейчас.

Ведь всё гораздо проще. Это зло всегда наступает на пятки. Ведь легче обернуться. И остановиться... А добро всегда бежит впереди. И его еще нужно догнать. И очень постараться. Приложить много усилий. Чтобы догнать... Фадеев всегда бежал впереди. Бежал до конца. И мучился, и пытался. Он не оборачивался. На зло. И не останавливался. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ. ВОЛНЫ ЧЕРНОГО МОРЯ ОДЕССЫ («ЮНОСТЬ», №06, 2014)



Он знал, что такое война. Он сам пережил три войны. И воевал на трех войнах. Первой мировой. Гражданской. Великой Отечественной... Но в эту войну, весной 2014 года на Украине, войну против собственного народа, он, закаленный фронтовик, никогда, никогда бы всё равно не поверил. Войну против себя лично в том числе... Писатель, драматург, поэт, сценарист, публицист. Герой Социалистического Труда, он также был награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и Сталинской премией. И еще - он был просто одесситом. Валентин Петрович Катаев.

Нет, он бы не поверил. В такое невозможно поверить. Когда, через столько десятков лет вновь расстреливают его детство. Его Куликово поле, где он родился. Где

сегодня, в центре прекрасной Одессы, живьем сожгли его земляков, загнав их в фашистские топки. Где изуверствовали и добивали... Он бы никогда не поверил. Что эту трагедию в его родном городе назовут Одесской Хатынью... Неужели всё было зря? Неужели?

Вы не поверите, Валентин Петрович Катаев, но такое случилось. Но, возможно, одно хорошо - вы этого уже не узнаете, чтобы поверить. Вы, человек с неоднозначным характером. И однозначно великим талантом. Однозначно великой, тяжелой судьбой. И таким легким неистребимым одесским акцентом.

Неужели всё было зря? Когда Катаев, родившийся в семье русских интеллигентов, зачитывался романтизмом Пушкина. И магнетизм Гоголя. И скептицизмом Лермонтова. И трагизмом Шевченко. И для него они были - великие русские писатели.

Он понял, выбрал, а потом сочинил от них и за них всё. И всю жизнь был им благодарен. Как был благодарен и великой России. А потом уже - СССР... Россию и Украину он любил одинаково. Впрочем, он просто любил свою Родину.

"И рухнуло иноземное иго, идущее с запада, а вместе с ним рухнула и прочая мелкая реакционно-националистическая сволочь — все эти гетманы, петлюры, махны, кистяковские, винниченки, гайдамаки, синие жупаны и прочая, прочая, которая под желто-блакитным флагом якобы «вильной Украины» хотела надеть на нее старую, помещичье-капиталистическую сбрую и заставить тащить старый воз с новым, немецким кучером..."

Это из его статьи "Ясный и радостный мир". Тот ясный и радостный мир, который в очередной раз сегодня сожгли...

Неужели всё было зря? Когда Первая мировая, когда добровольцем... И дважды ранен, потом контужен, потом отравлен фосгеном. И ордена, тоже зря? И очерки, и рассказы. Зря? Когда революция и борьба за Советскую власть. И вновь - участие в Бюро Украинской печати, создание лозунгов и листовок. И участие в больших боях Красной Армии, командья артиллерийской батареей под Лозовой.

И потом - работа в "Труде", "Правде", "Гудке", "Крокодиле". Пьесы, повести, сценарии, фельетоны... И еще - строительство Магнитогорска, когда неизбежно "Время - вперед!" Для него оно шло только вперед. Неужели зря? И неужели так легко, так легко это время повернуть вспять? Он все равно бы в это не поверил... Особенно, когда вновь война. Зря? Работа в Радиокomiteе и в Совинформбюро? Или военкорром "Правды" и "Красной звезды"? Когда писатель выезжал на фронт, то сам участвовал в сражениях на Волоколамском направлении, подо Ржевом, на Орловско-Курской дуге, под Уманью, Кодымой, Яссами... Штык и перо. Зря?

Неужели, всё было зря? Когда у пятилетнего Катаева умерла мама, он сказал после похорон, так просто: "Я все должен рассказать маме". Он рассказал стихами. Которые сочинились в десять лет.

Он всегда говорил, что у него два кумира - Маяковский и Бунин. Значит, без Бунина и Маяковского - не хочу быть Катаевым? Буду, конечно, но не хочу. Вот, пожалуй, его литературный поиск. На всю жизнь... Они ему помогли. И он им тоже. Он их оценил. И они его - тоже. В этом, пожалуй, Катаев.

Бунин и Маяковский. Один возненавидел советскую власть, второй ее искренне воспел. Оба гениальны. И уже не имеет смысла - кто же более. Между ними был гениальный соцреалист, романист и даже футурист Валентин Катаев. Спор разрешен: "У них у обоих учился я видеть мир - у Бунина и у Маяковского... Но мир-то был разный". Он и теперь разный. Но, наверно, уже после Хатынской Одессы, по-другому разный.

В 1936 году вышла одна из лучших книг нашей литературы о детях и для детей - "Белеет парус одинокий". Она сразу же покорила всех, также как и знаменитая диалогия Марка Твена о Томе Сойере и Геке Финне.

Повесть прочитал и Бунин. И очень хвалил ее... Как-то Катаев описал встречу со вдовой Бунина. Он недоумевал: «Зачем он уехал за границу? Ради чего?» Зная, какие

ГОД ЛИТЕР АТУРЫ

ничтожные тиражи у бунинских произведений. Ответ был один. Простой. Как и теперь: «Ради свободы, независимости». Ответ Катаева не менее прост: «Я понял: Бунин променял две самые драгоценные вещи – Родину и Революцию – на чечевичную похлебку так называемой свободы и так называемой независимости...»

Насколько же он был прав! Мы теперь это хорошо понимаем. Хотя и сейчас некоторые будут любить Бунина только за то, что он уехал. А Катаева ненавидеть – за то, что остался. Видимо, понятие "Родина" более эфемерное, чем "похлебка". Особенно, если эта похлебка с Майдана.

Повесть "Белеет парус одинокий" – о нашей Родине все-таки. А не о похлебке, которую предлагают на Майдане взамен ее. О Родине, которую так любил Катаев. И еще – о любимой Одессе. Где и язык одесский – персонаж, и одесские мальчишки – персонажи, и сама Одесса – персонаж. В 1905 году. Тогда – года трагедий...

Сегодня эти годы можно назвать еще и годами приключений. Ведь всё со временем романтизируется. Не знаю – плохо это или не так уж.

Главный герой повести – Петя Бачей, наверное, автогерой. Это Катаев. Образ Павлика (брата Пети) возможно списан с младшего брата самого автора — Евгения Петровича Катаева, известного писателя под псевдонимом Евгений Петров. Это его с Ильей Ильфом сатирические романы «12 стульев» и «Золотой теленок». А Бачей — это девичья фамилия матери писателя. А еще есть персонаж – язык одесситов. И море – тоже персонаж. И природа...

Двое мальчишек повести Гаврик и Петя сразу все понимают. Не то чтобы понимают смерть. Возможно, ее в детстве еще не так осознают. А скорее – понимают жизни, ее неправильность. И ее несправедливость. Они, безусловно, жаждут героики. И они ее находят. В образе легендарного корабля... Он белел, как лермонтовский парус. Одинокий.

Но они непременно хотели, чтобы он плыл не один. И они доплывут на нем, обязательно доплывут. Наверно, к берегам любимой Одессы. Которая омывается волнами Черного моря. И в которой волны черного дыма невозможны. Они того не позволят. Никогда...

Эта повесть – оптимизм и вера в победу. И они победят. Уже потом, все дальше и настойчивее они будут приближаться к победе. И, безусловно, к жизни. Настоящей. Умной. Порядочной. И, как говорится, цивилизованной. Они придут к победе. Через "Катакомбы", маленький "Хуторок в степи", через "Зимний ветер". Через всё, что может уложиться в волны Черного моря. Что и составляет тетралогия "Волны Черного моря". А не волны черного дыма Одессы... Которую мы видим сейчас. И которую, слава Богу, они не увидели. И не поверили бы...

Валентин Катаев создал, сочинил, соорудил журнал "Юность". Был ее главным редактором. Он открыл для нее и новый соцреализм, и новый романтизм и даже новый оптимизм. Он, несмотря на трагичность жизни, был удачлив. "Юность" тоже ждала удача. Всех многих десятилетий. Какими бы тяжелыми они ни были. Катаев был счастлив. Как и "Юность".

Впрочем, разве юность сама по себе не счастлива? Потому что юность может закончиться, а вот "Юность" – никогда. Она всегда – открытие. И всегда подвиг. Во всяком случае – место для подвига. И это тоже – Катаев...

А вообще, Одесса – любимый герой и очерков Катаева, и его рассказов, и повестей, и романов. И, безусловно, жизни. Одесса – его любимый герой жизни. И уже после Великой Отечественной – любимый город-герой.

Не уверена, остался ли еще какой-то талантливый писатель, которого бы не окатили грязной волной нынешнего времени. Вряд ли. Талант непростителен и при жизни, и после нее. Это бездари барахтаются в чистой луже. Потому что никому не нужны. Потому что безопасны в своей бездарности.

А волны Черного моря всегда и во все времена будут выбрасывать на берег тину, мелкие камешки и мусор. А на волнах Черного моря обязательно будет белеет одинокий парус.

Даже если где-то совсем рядом враг по-прежнему будет рыть катакомбы. Все и разгуляются зимние ветры... Даже если снова война. Мы не сможем не победить.

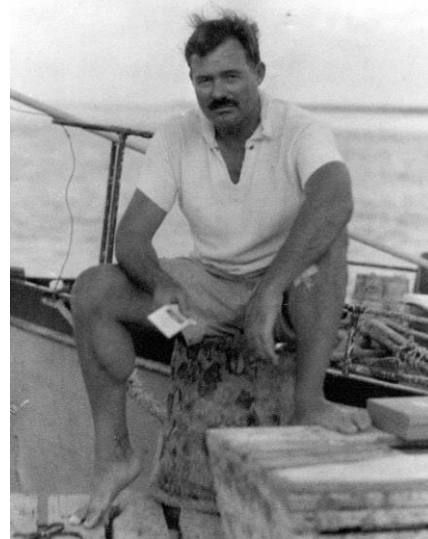
И все-таки стреляют. До сих пор. И даже словами. Зачем? Если уже есть настоящие пули? Зачем? Ах, да, после смерти пулями невозможно... Странно, неужели больше не в кого стрелять. Это более чем странно.

Впрочем, с мертвыми вести диалог просто. Они не могут ответить. С живыми – сложнее, но их все равно можно убить... Вот так. Вначале – слово. Потом – козни. Потом можно дойти и выстрелов. А потом и до Одесской Хатыни... Ведь так всё и начинается. Вначале слово – а потом все остальное.

Мертвые не могут ответить. И все же отвечают. Своей совестью, своей порядочностью, своей жизнью, прожитой далеко, далеко, далеко не зря. Просто своим талантом... Как отвечает из Одессы Валентин Катаев. Как до сих пор отвечают после смерти еще 99 писателей, которые потрясли мир.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ. ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ

(«ЮНОСТЬ», №07, 2014)



Двух президентов двух великих и уж очень разных держав объединяет хотя бы одно. И Путин, и Обама одинаково любят Хемингуэя. Возможно, только поэтому Обама спас бы Путина, если бы тот тонул. Только вот сам Хемингуэй вряд ли бы спас Обаму. Во всяком случае, руки бы ему уж точно не подал. Хотя бы потому, что когда-то изрек: «Америка была хорошей страной, но мы превратили ее черт знает во что...»

Можно представить, что он изрек бы теперь. Лично для президента Обамы. Он... Этот сильный, смелый, дерзкий и крутой американский парень, этот отважный воин и бескомпромиссный политик, которого трудно представить не только без известного блокнота Moleskine, но и без ружья – не важно, военного или охотничьего. Хотя он не раз хотел бросить его и сказать: "Прощай, оружие!". Он, у которого не раз погибали на глазах товарищи, он, который не раз тащил раненых товарищей на себе, прекрасно слышал "По ком звонит колокол". И даже в самые отчаянные и потерянные годы видел, что "И восходит солнце". А там, где "Острова в океане", где непременно виднеется лодка, там только "Старик и море". Он, у которого не так много было праздников в жизни, знал, что у каждого есть "Праздник, который всегда с тобой"... Величие великого человека в том, что даже после его смерти мы можем уверенно сказать: кому бы он пожал руку, а кому – нет.

Впрочем, нет вопроса, кому бы мог пожать руку Хемингуэй, прошедший почти все войны, выпавшие на его поколение. Некоторые из них мы уже мало помним (Как, например греко-турецкую, "малую" войну.

Хотя, конечно, должны помнить обо всех войнах.) И всегда этот человек-легенда был добровольцем. Он мог и не

воевать. Но он выбрал для себя именно такую судьбу. В том числе, чтобы знать правду. И чтобы эту правду потом написать. Поэтому он добровольцем проходит "большие войны". Первую мировую. Хотя это была "не его война". Гражданскую в Испании. И Вторую мировую. Еще и потому, что ненавидел фашизм.

В Испании он скажет Илье Оренбургу: "Что такое фашизм я знаю". Он действительно знал. Поэтому смело защищает осажденный фашистами Мадрид. И одновременно шлет смелые правдивые репортажи в американские газеты. Поэтому во время Второй мировой он на своем рыболовном катере преследует немецкие подводные лодки в Карибском море. Вместе с английскими летчиками бомбит гитлеровскую Германию. И со своим отрядом папа Хэм одним из первых входит в Париж. Да, без него не обходится и высадка союзных войск в Нормандии. Когда это не было тем авангардным представлением, на которое в начале июня безучастно смотрел его соотечественник Обама и жевал жевательную резинку.

Это - правда о Хемингуэе. И о том, как он ненавидел фашизм. Это он одним из первых поставил точный диагноз фашизму в 1937 году на втором Конгрессе американских писателей, куда прилетел из осажденного Мадрида: "Фашизм - это ложь, изрекаемая бандитами!" И констатировал: "Писатель, примирившийся с фашизмом, обречен на бесплодие".

Резкий по натуре, он не пощадит и своих коллег: "В Испании я встречал английских, французских, русских, венгерских, немецких писателей, но не видел писателей американцев!"

Потому, наверное, логичнее было бы обозначить главным в творчестве Хемингуэя роман "По ком звонит колокол" - о войне в Испании. Или повесть "Старик и море", за которую он получил в 1953 году Пулитцеровскую премию, а на следующий год - и Нобелевскую. Но сам писатель был настолько алогичен, что, возможно, бы предложил роман-эссе "Праздник, который всегда с тобой". После таких страшных будней войны ему захотелось "Праздника..." Он бы предложил свою юность, "как бы беден ты ни был тогда". Легкость, которой ему так не хватало. Свою любовь, у которой он попросил прощение. Смысл жизни, который он познавал всю жизнь. И нам уже не узнать - познал ли...

Он бы предложил свой Париж, и свои парижские улочки. Где запросто можно было познакомиться с Джеймсом Джойсом. Прокатиться на машине с Гертрудой Стайн. И непременно выпить со Скоттом Фицджеральдом... Он бы предложил свои дожди, "когда каждый год в тебе что-то умирает, когда с деревьев опадают листья, а голые ветки беззащитно качаются на ветру в холодном зимнем свете. Но ты знаешь, что весна обязательно придет". И свое постоянное чувство голода. И свои замерзающие яблоки, потому что в доме нет дров. Где «ты жил в найденном тобой новом мире... Чудесный мир, который дарили тебе русские писатели. Сначала русские, а потом и все остальные. Но долгое время только русские...»

Это - Хемингуэй? Это - тот человек, кем он, возможно, хотел быть, но так и не стал.

"Праздник..." всегда стоял отдельно. И отдельно, наверно, лежит на книжных полках. И все же лучше знакомство с мощным Эрнестом Хемингуэем начать именно с него. И тогда другие произведения, очень лаконичные, отточенные, скупые приобретут иное понимание.

"Праздник, который всегда с тобой", возможно, совсем не основной в творчестве писателя. И так не похож на самого писателя. И на его творчество. Здесь искусство удачно гармонирует с искусом. Стиль со стильностью. Образы с образностью. Здесь другой язык, запах, вкус. А чувства не отделять от чувствительности.

И главное - простота и глубина. И - юмор. По "Празднику" точно не скажешь - это типичный Хемингуэй. Это, скорее, Фицджеральд. Или Ремарк. Впрочем, что еще нужно для праздника? Чтобы он всегда оставался с тобой. До конца.

Самое поразительное, кажется, что "Праздник" написал очень молодой человек. У которого еще всё, всё впереди. При том, в то время Хемингуэю было уже почти 60. И все, все было позади. И уже много лет он жил на Кубе. И уже

позади были войны, тяжелые ранения, несколько неудавшихся браков и тысячи разочарований. И обвинения США в дружбе с Фиделем Кастро. И в связях с революционной Кубой. И слежки ФБР. А впереди - психиатрическая клиника и такая быстрая и неразгаданная смерть.

И все же лучше начинать с конца его жизни, когда он увидел "Праздник". Условно говоря, это первое его произведение. И последнее одновременно. А потом уже можно идти к его юности, когда он был на войне... Хемингуэй начинается с конца. И в этом тоже его сила. И его единственная правда, которой он всю жизнь сопротивлялся.

Вообще, Хемингуэй - очень мужской писатель. Ведь, как ни крути, творчество - профессия эмоциональная, женская, хотя - как это ни парадоксально - занимаются ею в основном мужчины. И в общем-то численно в ней победили. Но это профессия о бабочках и цветочках. Которые могут порхать и расцветать даже во время войны. Во время страшных бомбежек. И во время голода тоже. Все равно - бабочки и цветочки неизбежны.

Хемингуэй же хотел доказать, что это мужская профессия. Всей своей жизнью и своим "телеграфным стилем"... И все же, в конце жизни, он написал "Праздник". Наверно, через себя и профессию переступить невозможно. Иногда кажется, он жалел, что чисто мужской стиль сделал самоцелью. И даже в чем-то проиграл. И поэтому, возможно, иронизировал над Фицджеральдом. Хотя его талант сравнил с "узором из пыльцы на крыльях бабочки". Иногда подтрунивал над парнями "потерянного поколения", к которым он все же принадлежал, как бы тому не сопротивлялся.

Он сам был из "потерянного поколения". Термин, который появился благодаря ему. Сначала в литературных разговорах. И уже позднее в "Празднике". Хотя придумал его не Хемингуэй. И не Гертруда Стайн. А хозяин гаража, у которого молодой механик, переживший войну, не захотел исправить автомобиль Гертруды. И хозяин бросил ему в лицо: вы все - потерянное поколение... Уже никто не помнит имя механика, имя хозяина гаража, название этого гаража. А термин живет. Самый известный термин в литературе XX века. Великолепный термин, как заметил Хемингуэй. Для всех (наверно, увы) поколений...

Хотя это Ремарк был потерянным и растерянным. Это Фицджеральд был потерянным и растерянным. А Хемингуэй... Это была сила! И все-таки. Все-таки, возможно, при всей своей силе, он был самым растерянным и потерянным. И потерянное поколение - это в первую очередь про него...

Хемингуэй, в речи при получении Нобелевской премии (на которую он так и не приехал, хотя потом эту речь опубликовали) завил: "Жизнь писателя, когда он на высоте, протекает в одиночестве... Избавляясь от одиночества, он вырастает как общественная фигура, и нередко это идет во вред его творчеству. Ибо творит он один, и, если он достаточно хороший писатель, его дело - изо дня в день видеть впереди вечность или отсутствие таковой..."

Хемингуэй видел вечность. И писал о ней. В вечности он и остался. На высоте. В одиночестве. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.



Михайло Ломоносов. Наверное, его предки не раз ломали носы своим обидчикам. Ученый Ломоносов ломал всю застенелую и губительную систему просвещения. Впрочем, носы он ломал тоже. Когда совсем уж было невмоготу...

Он, закаленный северным краем и ледяным океаном имел крутой нрав. Он, сын рыбака, не раз сражавшийся с морской стихией, всю жизнь потом сражался со стихией невежества. Бедняк, выдавший себя за дворянского сына и поступивший в Московскую славяно-греко-латинскую академию, стал одним из знаменитейших ученых мира... Русский крестьянин, выучившийся на академика.

Гениев рождается мало, но таких универсальных гениев рождаются единицы. "Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым университетом..." Лучше, чем Пушкин, сказать нельзя. Университет со множеством факультетов, к каждому из которых Ломоносов имел отношение. Еще в школе, какой бы предмет мы не проходили - от физики до литературы, без Ломоносова не обходилось. Даже уроки изо! Даже за стенами школы. "Историк, Ритор, Механик, Химик, Минералог, Художник и Стихотворец - он все испытал и все проник" (А.С.Пушкин). Еще он создал великолепные мозаики, украсившие, например, стены Петропавловского собора. Придумал проект переустройства Петербургской академии наук. И утвердил основания современного русского литературного языка... Он, смельчак во всем, даже многие научные работы оформлял как речи в стихотворной форме!

А еще Ломоносов знал, что образование опасно. Возможно, опаснее всего. Но он не мог знать, что оно опаснее всего до сего дня! Грамотный человек пытается осмыслить свое существование на земле. Свое предназначение. И неизбежно проецирует это на общественную жизнь. И смысл жизни становится совсем, совсем иным. А это уже беда для тех, кто живет по принципу: государство для меня, а не я для государства... Именно это отчаянно ненавидел Ломоносов. Его, человека Вселенной, придерживающегося системы Коперника, с радостью сожгли бы на костре. Но, к радости, он все же родился в России. Которую так сильно любил, что порой почти ненавидел. В которую так сильно верил, что в конце жизни почти разуверился.

Перед смертью он сказал советнику Штелину: «Я умираю, я умираю, приятель! На смерть вззираю равнодушно: сожалею о том, чего не успел довершить для пользы наук, для славы отечества и Академии нашей. К сожалению, вижу, что благие мои намерения исчезнут вместе со мною...» Ломоносов оказался прав. После его смерти будущий император Павел выразится за весь царский двор: "Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал..." Ломоносов оказался не прав. Потому что сделал для славы Отечества все, что возможно. И даже то, что невозможно вообще. Особенно нам.

Он ненавидел преклонение перед Западом – эту отталкивающую черту русских, непонятную и

унизительную. И главное – неискоренимую. До потери чувства меры и собственного достоинства. До потери самой России... Похоже, его смысл жизни в итоге сводился к одному - русским в России нужно вернуться в Россию. Во времена Ломоносова это было понятно. Было понятно и после Ломоносова. Более чем понятно и теперь.

Трудно выделить какое-то главное его произведение, литературное или научное. Но все-таки особняком стоит «Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года».

Правда, это - лишь первая часть задуманного большого исследования «Российская история». Он начал работу над ним в 1751 г. и продолжал вплоть до своей преждевременной кончины в 1764 г., когда окончательный вариант первого тома (правда, без обещанных примечаний к нему) был сдан в типографию. Работа вышла в свет через два года, уже после его смерти.

Во вступлении Ломоносов отмечает, что российская история подобна Римской, и если менее известна, то только из-за бывшего у нас недостатка в искусстве, «каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности».

Ломоносов как великий российский просветитель поставил задачу: «Похвальными делами праотце в наших датъ примеры: государям – правления, подданным – повиновения, воинам – мужества, судиям – правосудия, младым – старых разум, престарелым – сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное». И это звучит как молитва... Он считал, что своими трудами сможет дать бессмертие русскому народу.

Михаил Васильевич Ломоносов сделал, пожалуй, главное: дал понять, что Россия в России есть. И русские могут не то что многое, а, возможно, всё. Для России. И не только... Грамотная элитная Россия и при Ломоносове как-то была. Правда, не русская элитная Россия. Кстати, на протяжении первых 18 лет существования Российской Академии наук, начиная от ее основания в 1724 году, все одиннадцать академиков были иностранцами. До прихода Ломоносова.

Он стал первым русским – чужим среди своих. А «свои» контролировали всю науку, в том числе определяли, по какой истории будут учиться русские. У них был полный доступ к документам, архивам. Они решали, что сохранить, что уничтожить. Что переписать, что утаить. Что сочинить, что исказить.

И Ломоносов вступил в неравный бой. За честь государства российского. От имени российского народа. Сражался всякими способами. Кулаками, крепкими словами, эмоциями. По-русски... Но бой был неравным. В России побеждали иноземцы. Ломоносова называли не иначе как «русский варвар». Его несколько раз выдворяли из Академии, и, наконец, вызвали «на ковер». Но Ломоносова трудно было сломить. Он тут же пообещал одному из профессоров, что «зубы ему поправит». В итоге все одиннадцать академиков подписали жалобу на Ломоносова. В результате дальнейший интриг он был осужден на семь с половиной месяцев.

Вот тогда он и решил идти другим путем. И пошел на компромисс с государством. Ради государства. Он понял, что нет смысла состязаться с бездарными людишками в подковерных боях и интригах. Людишки здесь все равно побеждают. В конце концов, что лучше: быть под властью и сделать что-то важное для державы? Борьба с властью и ничего не достигнуть?.. Поэт Ломоносов написал прекрасную оду императрице Елизавете Петровне, которая пришла в восторг от стихотворения. И он заручился поддержкой императрицы. Дипломат Ломоносов нашел себе отличных покровителей в лице канцлера М. И. Воронцова и фаворита Елизаветы Петровны И.И. Шувалова. Теперь он сражался на другом уровне. И всегда просил не за себя. Он просил за Отечество. И отечество это понимало. Хотя и не всегда...

Первое, что он сделал – сломал систему. Он стал первым российским академиком. Ударение – на слове «российский»! Открытие Московского университета стало для него делом чести. Ломоносов был из народа. И об

этом не забывал никогда. Его заветная мечта - урвать в праве на образование всех, сбылась лишь частично. Крепостные по-прежнему не допускались к наукам. Но Ломоносов добился, что в Московском университете преподавание велось не на латинском языке, а на русском. И в отличие от европейских университетов отсутствовал факультет богословия... Университет стал крупным центром науки и культуры. Центром смелой, светлой прогрессивной мысли...

Сам Ломоносов был не из тщедушно-хлипкой интеллигенции. По-доброму злой человек. Иначе и нельзя. Добренькие интеллигенты не годятся для размашистых идей, великих исторических свершений. Здесь нужен именно смелый и отчаянный. Такой как Ломоносов.

Только в 1940 году Московский университет стал носить имя великого ученого. На пороге войны образование по-прежнему было одним из важнейшим приоритетов. Не забыла страна и о Ломоносове – идеологе отечественного просвещения.

В 1949 году состоялась торжественная церемония закладки первого камня высотного здания МГУ. А уже через четыре года начались занятия. В тяжелейшие послевоенные годы всеобщей разрухи страна выделила деньги на то, чтобы исполнить мечты Ломоносова. Чтобы образование было доступным и бесплатным абсолютно для всех.

Ломоносов ненавидел все, что губило русскую науку и культуру. Не терпел преклоненных перед иностранщиной. Если бы сегодня Ломоносов увидел, что в "иностранном" вопросе ничего не изменилось... А образование вновь не для всех... Наверное, в этой ситуации он повел бы себя недипломатично. И кое-кому попросту, по-русски врезал...

Наша страна – странная. Она и впрямь ходит под Богом. Но если не было бы Ломоносова, то куда бы она зашла? Слава Богу, Ломоносов был. И мы до сих пор – в эпоху агрессивной научно-технической революции – пользуемся его знаниями. Хотя и не знаем, как жить дальше.

Возможно, ответ прост: если родился бы один только Ломоносов, мы бы сумели, мы бы исправили, мы бы смогли. Один Ломоносов. Представляете, его одного было бы достаточно для погибающей страны. Хотя бы для начала... Он хотел всю страну сделать университетом. И верил, что когда-нибудь "Отечество мое молчать не будет". Как верили и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

АЛЕКСАНДР ГРИН. АЛЫЕ ПАРУСА

(«ЮНОСТЬ», №09, 2014)



Он мог стать кем угодно. Александр Степанович Гриневский. Сын польского шляхтича, сосланного за участие в январском восстании 1863 года в Вятку. Он мог стать ремесленником, переплетчиком книг, охотником, матросом, солдатом, банщиком, грузчиком... Все это и многое другое он перепробовал. Жизнь его была лишена детства. И она настолько была безрадостна, беспросветна

и так бескажочна, что в принципе он мог стать и преступником. Впрочем, с тем же успехом он мог стать мещанином и обывателем. Или во всяком случае - озлобленным циником. Но он стал Александром Грином. Мечтателем и романтиком. Философом и психологом. Писателем и поэтом. А еще человеком, который все-таки думал, что мир не может быть злым. И так в мире быть не должно.

Кстати, он мог стать и профессиональным революционером (он годы провел в ссылках и тюрьмах за революционную пропаганду - "Мой революционный энтузиазм был беспределен..."). Мог стать партийным работником. Ведь Октябрьскую революцию он принял восторженно. Она захлопывала наконец-то дверь, за которой навсегда остались обывательская Вятка. Голод и унижение. Убогая квартирка, пропитанная плесенью и сыростью. И еще грязное окно в раздавленных мухах. За которым маленький мальчик видел не только ночлежки, мусор и дрожащие руки, просящие милостыню. Он видел всю Россию. Россию, в которой нет детства. Конечно, его спасали Джонатан Свифт, Майн Рид и Жюль Верн. Но разве они могли спасти его детство? Это потом он скажет: "А ведь детское живет в детях до седых волос".

А еще его в детстве спасали мечты о море. Которое он никогда не видел. Но знал, что оно есть. И оно не просто бесконечно, как мечта. Оно так же реально, как мечта... И уже позднее, когда пришла революция, он был уверен, что вот теперь, сейчас, немедленно он распахнет свое окно и увидит "Бегающую по волнам". И в синей глубине моря покажется "Блестящий мир". А еще к его каменистому берегу непременно сейчас же приплывут "Алые паруса"... Вон они, уже виднеются за солнечным горизонтом. И он босяком прибежит на берег и окунет руки в прохладные волны. И его мир наконец-то станет так понятен и прост. Как эти "Алые паруса". Как этот "Блестящий мир".

Но, как точно заметил Константин Паустовский, высоко ценивший его талант, "Грин принадлежал к людям, страдающим вечным нетерпением... Светлое будущее казалось Грину очень далеким, а он хотел осязать его сейчас, немедленно... Действительность не могла дать этого Грину тот час же... Если бы социалистический строй расцвел, как в сказке, за одну ночь, то Грин пришел бы в восторг... Но ждать он не умел и не хотел."

И поэтому Грин сочинил "Гринландию". Он сочинил свою страну. И свое море. Ведь первое слово, которое маленький Саша сложил из букв, было "мо-ре". Хотя он родился не у моря. Зато он умер у моря. Значит и мечты, бывает, сбываются. После смерти. Хотя это и грустно звучит.

Впрочем, сам Грин не был веселым человеком. Скорее - замкнутым идеалистом с нелегким характером и смущенной улыбкой. Словно извинялся и за свой характер. И за свой, единственный мир, неповторимый и прекрасный, который он сочинил. В котором смог жить и выжить. В одиночку. За свою "Гринландию".

Наверное, трудно жить в раздробленном мире. Мире реальности и мире мечты. Мире быта и мире фантазий. Или легко? Ведь это не Грин бежал за реальностью, не он спорил с ней и ей не подчинялся. Все наоборот. Это реальность бежала за ним, спорила с ним и ему подчинялась. А он просто смирялся. Он просто молчал... Он вообще был молчаливым человеком. Что, возможно, в очередной раз спасало его от жизни. И уводило за ее пределы. Туда, где он мог встретить белый корабль с алыми парусами.

"Алые паруса" - это не просто одно из лучших произведений Грина. Это сам Грин. «Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе „Алые паруса“, то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству», - написал Константин Паустовский...

Однажды Грин в витрине магазина увидел игрушку - это была лодка с белым шелковым парусом. Он зачарованно смотрел на нее. И он, этот нетерпеливый человек, решил тут же написать повесть... Шла Гражданская война. Грин служил в рядах Красной Армии. И не переставал думать о повести. Которую уже назвал "Красные паруса". В честь

революции. И в честь справедливой мечты. За которую он сражался и на войне, и в прозе. Он не переставал сочинять, даже когда заболел тифом. Даже когда голодным скитался по улицам Петрограда. И даже когда думал покончить с собой... В эти отчаянные дни ему помог Максим Горький. Он помог ему получить комнату в "Доме искусств". Именно здесь он и написал свое поэтическое произведение, которое в итоге назвал "Алые паруса". Так более романтично. Или - более фантастично. Ведь он уже начинал понимать, что не все мечты сбываются. Во всяком случае быстро. Скорее - понимать этого он не хотел. Он мечтал о быстрой мечте. «Трудно было представить, что такой светлый, согретый любовью к людям человек мог родиться здесь, в сумрачном, холодном и полуголом Петрограде в зимних сумерках сурового 1920 года, и что выращен он человеком внешне угрюмым, неприветливым и как бы замкнутым в особом мире, куда ему не хотелось никого впускать», - написал позже Всеволод Рождественский.

Горький одним из первых назвал "Алые паруса" шедевром и не раз зачитывал отрывки из притчи вслух. «Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберется народу, удивляясь и ахая: и ты будешь стоять там...».

В "Алых парусах" - вымышленный городок. Вымышленное море. И небо тоже вымышленное. И даже земля. Вымышленное время. Вымышленное пространство. Вымышленные имена: Лонгрен, Эгль, Грэй. И, конечно, прекрасная Ассоль, чье имя "так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины." "Счастье сидело в ней пушистым котенком..." Как же это похоже на Грина! Который иногда тоже кажется вымышленным писателем с вымышленной фамилией.

В "Алых парусах" Грин со свойственной ему категоричностью, даже морализаторством, проводит четкие границы добра и зла. Благородства и подлости. Милосердия и жадности. Как в сказке. И все же это не сказка. Здесь была и небыль, реалистичность и фантастичность, романтизм и авангардизм переплелись настолько, что намеренная атмосферная сказочность выглядит просто чистой правдой.

А еще в "Алых парусах" много веры. Почти религиозной веры. И мотивы Библии поэтому неизбежны. Да последние будут первыми. Да бедные станут богатыми и поделятся с бедными. Да оклеветанные найдут правду и помогут другим оклеветанным.

Девочка Ассоль и ее отец Лонгрен... Их не любили в деревне. Над ними смеялись, на них клеветали, их дразнили. Только потому, что они были лучше, честнее, умнее. В мире лжи, цинизма и пошлости. В них бросали грязь и камни. Только потому, что Ассоль поверила в "Алые паруса". В свою любовь под алыми парусами. Ее считали умалишенной. И она вынесла все. Потому что вера - это больше, чем вера. Веру нельзя предавать. И продавать. «Море и любовь не терпят педантов».

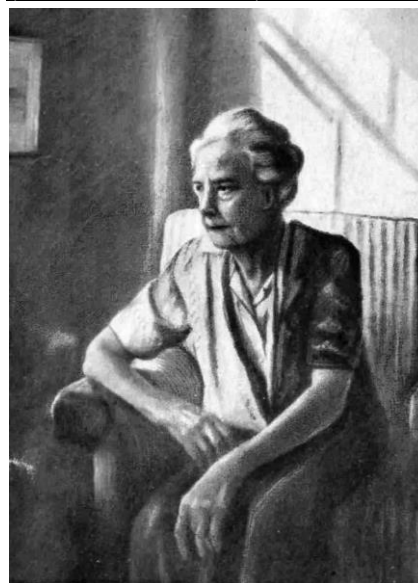
"Алые паруса" легко перевести на музыку. Насколько оно музыкально. "Алые паруса" легко переписать стихами. Насколько оно поэтично. "Алые паруса" легко изобразить на холсте. Насколько оно живописно. "Алые паруса" легко экранизировать. Насколько оно кинематографично... Фантазия Грина легка. В отличие от жизни Грина. Поэтому он выбрал фантазию. И только она стала для него реальной жизнью...

Грин всю жизнь куда-то бежал. Одесса, Баку, Севастополь, Феодосия, Старый Крым. Наверно, потому что верил, что счастье там, где его нет. Что идеальный мир там, где его нет. Но он бежал не от себя. Потому что счастье и идеальный мир всегда был с ним, в его неутомимой фантазии. Но не вокруг. Вокруг он его так и не нашел. Возможно потому, что его просто не существует. А, возможно, еще потому, чтобы дать право искать его нам. Даже если мы тоже его не отыщем. Право на веру в мечту мы не имеем право терять. Иначе мы так и останемся просто людьми без веры. Просто жалкими обывателями. Которые даже не способны подарить детство детям. Или

хотя бы маленький кораблик с алыми парусами из игрушечного магазина.

Это произведение для всех времен, всех пространств и всех возрастов. Возможно, оно для Вселенной. Не даром планета "Гриневия" уже существует. В наше время, циничное и прагматичное, эта планета нужна как никогда. Потому что падение духа и упадок души неизбежно нуждается в творчестве Грина. И, возможно, в первую очередь, "Алые паруса" - именно для юношей, которые хотят стать мужчинами. Ведь чтобы стать мужчиной - необязательно покупать две тысячи метров шелка алого цвета. И не обязательно иметь свой белый корабль. Просто нужно быть способным на поступок. Обязательно благородный... На такой поступок был способен Александр Грин. Впрочем, как еще 99 писателей, которые потрясли мир.

ЭТЕЛЬ ВОЙНИЧ. ОВОД («ЮНОСТЬ», №10, 2014)



Вот уже ровно два года исполнилось нашей рубрике "100 книг, которые потрясли мир". И вдруг с удивлением замечаешь, что герои рубрики - исключительно мужчины. Похоже, даже женщинам свойственен мужской шовинизм. Возможно, это исторически и литературно-критически оправданно. Хотя история не терпит догм. Разве что литературная критика. Впрочем, даже у такой эмансипированной женщины, как Этель Войнич, в главной роли ее основных романов выступает мужчина.

Этель Лилиан Войнич. Родилась в хорошей английской семье. Насколько хорошей, чтобы неизбежно стать писателем, переводчиком, композитором. И революционером. Дочь известного английского ученого и профессора математики Джорджа Буля. Дочь талантливого преподавательницы математики и журналистки Мери Эверест. Внучка известного профессора греческого языка Эвереста. Племянница самого сэра Джорджа Эвереста, возглавлявшего геодезическую службу Британской Индии и в честь которого названа самая высокая вершина нашей планеты (который, что интересно, эту вершину так никогда и не увидел).

У Этель Лилиан жизнь просто должна была стать необыкновенной. Что это? Гены, корни, семейные традиции? Или атмосфера? Атмосфера времени - такого романтического и такого бунтарского. Наверное, все вместе. Чтобы в свое время писательница неизбежно познакомилась с Энгельсом и Плехановым. Вышла замуж за польского революционера Михаила Войнич, сбежавшего из сибирской каторги. Чтобы одевалась в одно время только в черное в знак траура по такому несправедливому, такому смертельно-больному миру. Чтобы в Лондоне подружиться с политическими эмигрантами. Особенно русскими. И особенно с писателем и революционером Степняком-Кравчинским. Благодаря которому юная англичанка и отправилась в Петербург. И

благодаря которому она сразу же нашла свое место среди революционной молодежи. Чтобы потом вернуться на родину и участвовать в "Обществе друзей русской свободы", созданном тем же Кравчинским. И работать в редакции эмигрантского журнала "Свободная Россия" и в Фонде вольной русской прессы.

Чтобы уже позднее перевести для своих соотечественников Лермонтова и Гоголя. Достоевского и Салтыкова-Щедрина. И песнь о Степане Разине, включенную в роман "Оливия Летэм". И литературу славянских народов. Чтобы позднее заставить английского читателя познакомиться с творчеством великого украинского поэта Шевченко, опубликовав сборник "Шесть стихотворений Тараса Шевченко" с очерком о его пламенной жизни. Кстати, Войнич - первая, кто открыл для Англии бессмертную лирику великого украинского поэта. Об этом, наверное, забыли сегодня на Украине. Вернее, заставляют забыть. Вернее, даже не знают об этом. И знать не хотят. Как и не хотят знать самого Тараса Шевченко. Что ж, пусть его помнят в Англии. Как помнят в России.

А Этель Войнич когда-то, в конце XIX века уехала ненадолго в Россию, чтобы навсегда ее полюбить. Чтобы гораздо позднее, уже в середине XX века в нелюбимой ею Америке написать ораторию "Вавилон", посвященную свержению самодержавия в России. Наш человек. Умерший, увы, далеко не в нашей стране.

Впрочем, Россия отвечала ей не меньшей взаимностью. В отличие от той же Америки и других европейских стран, которые устроили "заговор молчания" ее произведениям. Которые возненавидели писательницу за идейность, смелость, независимость и справедливую борьбу за тот мир, в котором возможно ходить не в черном, а светлом. А в родной Англии ее имя принципиально не упоминалось ни в справочниках, ни в литературоведческих трудах.

До сих пор на Западе ее не хотят простить. Ее, отважно бросившую вызов этому самому Западу. Его морали, его бездуховности и наглости, которая за два века почти не изменилась. Разве что в гораздо худшую сторону. Гораздо... Только Россия от всего сердца благодарно приняла писательницу-англичанку. Прошлая Россия. Потом СССР. И есть надежда, что новая Россия примет ее не с меньшей любовью и благодарностью.

Что еще могла написать Этель Войнич, вернувшись когда-то из России? Конечно, революционный роман "Овод". Что еще могла написать Этель Войнич, вернувшись когда-то из России? Конечно, романтический роман "Овод". Что еще она могла написать, вернувшись когда-то из России? Конечно, интернациональный роман "Овод".

В России роман был сразу же напечатан. Его приняли восторженно. Несмотря на многочисленные запрещения царской цензуры (так, в 1905 году был конфискован весь тираж "Овода"). Им зачитывалась прогрессивная интеллигенция, рабочие и крестьяне. За годы Советской власти "Овод" был издан 155 раз общим тиражом более 9 миллионов экземпляров! Он был переведен на 24 языка народов СССР! Сколько раз ставились инсценировки романа в театрах. Были написаны три оперы. И осуществлены три киноэкранизации. Только в нашей стране!..

Этель Войнич прожила долгую жизнь - 94 года. И написано ею было не так много. Пять романов. Три из которых о судьбе Артура Бертон - Овода. Но одного "Овода" для писателя может быть вполне достаточно, чтобы понять, что творческая жизнь удалась. Даже если сама жизнь удалась не очень. Как у Войнич.

Это роман о революционной Италии 30-40-х годов. Впрочем, Италия - лишь фон. Действие романа могло происходить в какой угодно стране - Англии, Германии, Франции... И, безусловно, в России. Народный протест, борьба за справедливость, подвиг. Деспотизм, национализм, трагизм... В какой угодно стране земного шара.

"Прошлое принадлежит смерти, а будущее - в твоих собственных руках". Это строки из стихотворения Шелли, любимого поэта героини романа Джеммы Уоррен и самого Овода. Это строки для всех на Земле... Впрочем, Шелли

был и любимым поэтом Войнич. Поэтому она в унисон ему когда-то сказала: "Берите его, будущее, пока оно ваше, и думайте не о том дурном, что вами когда-то сделано, а о том хорошем, что вы еще можете сделать..."

В романе Войнич сумела гармонично соединить два стиля - критический реализм и героический романтизм. Что придало сюжету драматичность и динамику... А сюжет действительно стремительный и пронзительный.

Главный герой Артур Бертон. В начале автор придала его внешности обаятельные, даже женственные черты. Чтобы подчеркнуть идеализм и романтизм героя. У которого в жизни было три божества: падре Монтиелле (который окажется его отцом), любимая девушка Джемма (которая обвинит его в предательстве) и Италия (хотя итальянцем он не был). Два из трех его предали. Но Италия... Нет, это не просто Италия. Это идея. А идеи не предают, особенно, если ты посвящаешь им жизнь. И смерть тоже. Поначалу главный герой искренне верил, что религия и революция вполне сочетаемы: "Ведь назначение духовенства - вести мир к высшим идеалам и целям, а разве не к этому мы стремимся." И еще: "Священник - проповедник христианства, а Христос был величайшим революционером"...

Затем, когда по сюжету романа минуло 13 лет, автор безжалостно меняет внешность героя. Его не узнают даже самые близкие. Шрам, трость, сарказм и безверие. И наделяет его ядовитым прозвищем - Овод. Войнич уничтожает все, что было дорого Артуру в начале. И полностью опровергает его слова и его веру. Как автор, который писал в конце XIX века, когда атеизм стал основой справедливой борьбы, а справедливая борьба - атеизмом. И все же... Иногда кажется, что именно Овода, этого непримиримого бунтаря, революционера, атеиста и мученика автор (вольно или невольно) сравнивает с Христом. И его смерть тоже сравнивает. И это - апофеоз романа... Овод сам командует своим расстрелом. Но солдаты не хотят, не смеют его убить, многие еле сдерживают слезы. И каждый надеется, что "смертельная пуля будет пущена рукой соседа". Раненый, истекающий кровью Овод не перестает смеяться и над теми, кто его убивает и над собственной смертью. Потому что уже когда-то сказал: "Даже и две минуты не хочу быть серьезным, друг мой. Ни жизнь, ни смерть не стоят того". А смерть мучительно долго приходит к нему. И жизнь мучительно долго уходит... И по-прежнему Овод сам отдает последние слова команды: "Держать ружье!.. Целься!" И его вера в будущее настолько велика, что кажется, он верит не просто в товарищей, которые будут сражаться за него. Он верит в бессмертие. Потому что "свою долю работы я выполнил, а смертный приговор — лишь свидетельство того, что она была выполнена добросовестно."

Уже позднее, кардинал Монтанелли, который сделал выбор между Христом и своим собственным сыном (выбор, закончившийся казнью), скажет толпе, застывшей в мертвой тишине: "Но кто из вас подумал о страданиях бога-отца, который дал распять на кресте своего сына?" Овод никогда бы не принял эти слова. Он не верил небу. Он верил земле. Но автор "Овода", наверное, принимала. Можно обожать героя своего романа, но не обязательно быть с ним во всем заодно.

Недаром "Овод" так любил Николай Островский. Недаром "Овод" так любил Павка Корчагин: "Отброшен только ненужный трагизм мучительной операции с испытанием своей воли. Но я за основное в "Оводе" — за его мужество, за безграничную выносливость, за этот тип человека, умеющего переносить страдания, не показывая их всем и каждому. Я за этот образ революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим..." Недаром "Овод" был любимым романом Алексея Маресьева, Зои Космодемьянской, молодогвардейцев, Юрия Гагарина...

Личное ничто в сравнении с общим... Это не только "образ революционера". Это даже не стиль жизни. Это - смысл жизни. Примета таланта, гения. И - очень редкой женщины. Для которой личное было ничто в сравнении с общим. Поэтому она выиграла и прошлое, и будущее. Даже если бы она осталась единственной женщиной среди 100 писателей, которые потрясли мир.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ. ОБЛОМОВ

(«ЮНОСТЬ», №11, 2014)



Осенний день. Хмурый или солнечный. Дожливый или улыбчивый. Вряд ли нам это узнать. Новом Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Более 30 венков. От всех вузов Москвы и Санкт-Петербурга. От газет и журналов. От музыкального сообщества. От людей. Огромная траурная процессия. За гробом. Великого русского романиста. Ивана Александровича Гончарова. Который всю жизнь хотел покоя. И наконец, в 79 лет, его обрел. Хотя, без лукавства, он из тех, немногих, кто обрел его и при жизни. Во всяком случае - максимально к этому приближался.

О, О, О!.. Или - Об, Об, Об!.. "Об-ыкновенная история". Обыкновенного "Об-ломова". Которая заканчивается обыкновенным "Об-рывом". Вернее - краем обрыва. На котором почти всегда стоит Россия. И, кстати, удерживается. На краю... Может быть, великий писатель Гончаров был героем обыкновенной истории Обломова на краю обрыва?

Нам этого уже не узнать наверняка. Хотя интересно, написал бы Обломов роман "Гончаров"? Наверное, написал бы, будь помоложе. Или постарше. Но возраст за тридцать, когда мы его узнаем, - вряд ли. Гончаров и Обломов не были близнецами. Но для истории это уже не имеет значения. Кто написал романы на букву "О"? Конечно, Обломов. Ответ неверный. Все-таки Гончаров. Если бы Обломов написал роман "Гончаров", он бы Обломовым просто напросто уже не был. И в историю мировой литературы не вошел.

Впрочем, у Ивана Гончарова было прозвище - господин де Лень. По воспоминаниям некоторых современников, он был наискуднейшим и ленивейшим домоседом. Да и жизнь его кажется необыкновенно обыкновенной. Особенно на фоне всех остальных писателей, биографии которых читаешь взахлеб, как авантюрные или сентиментальные романы. Когда даже их романы порой отходят на второй план. Не поэтому ли Гончаров и оригинален? А, возможно, он просто оказался загадочнее других? И просто-напросто скрыл свою жизнь...

Родился он в обыкновенном провинциальном Симбирске. Узкие улочки. Скривленные дома. Дощатая мостовая. Даже дожди крапают не хотя. Все сонно, лениво, медлительно. Разве что хочется зевнуть. Так и вертится на языке: "За-ха-а-р!.." А маленький Ваня Гончаров ищет и находит свой настоящий, живой мир. В книгах. Уже в детстве им прочитаны Ломоносов, Фонвизин, Державин, Карамзин, Вольтер, Руссо. "Я с 14-15 летнего возраста, не подзревая в себе никакого таланта, читал все, что попадалось под руку, и писал сам непрестанно..."

Затем были Московское коммерческое училище, которое он сразу же невзлюбил. И словесный факультет Московского университета, в который он влюбился мгновенно. Еще бы! Ведь в ту пору там учились

Лермонтов, Белинский, Герцен, Станкевич. Хотя от их политических споров он держался в стороне. Может, просто ленился спорить? А вот Пушкина, который посетил Московский университет в 1832 году, он уже боготворил.

Затем - опять сонный Симбирск, канцелярия губернатора. И, наконец, Петербург. Опять та же скука. Мелкое чиновничье в департаменте Министерства финансов. И далеко не мелкое к нему отвращение. "Если бы Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий ума, сердечных движений души проходил я от пелен и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений, чтобы выкарабкаться на ту стезю, на которой Вы видели меня, все еще... вздыхающего о том светлом и прекрасном человеческом образе, который часто снится мне..."

Отдельный человеческий образ, а не человеческое общество. Не в этом ли главное заблуждение Гончарова? Или просто характер? Талантливый и тем более гениальный писатель никогда не может быть аполитичным и равнодушным. И тем более рукоплескать злу. Даже если он всегда в стороне, его творчество всегда на стороне. Стороне правды. И справедливого общества. Жить в обществе и быть свободным от него, наверное, все-таки нельзя. Но писать гениальные книги и быть свободным от них, наверное, иногда можно.

"Он поэт, художник - и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю, он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона." Это Белинский о Гончарове... "За-ха-а-р!.."

И вдруг Гончаров, этот господин де Лень, прерывает работу над "Обломовым" и отправляется в кругосветное путешествие на парусном военном фрегате «Паллада» в качестве секретаря адмирала Е.В. Путятина. Да уж, сам Обломов, наверное, упал бы с дивана, узнав об этом. Но Гончаров Обломову не изменяет. Шторм, взрывы волн, ослепляющий блеск молнии. И луна. Что может быть красивее?! Его несколько раз вызывали на палубу полюбоваться красотами: вы же писатель! "Молния как молния, только без грома, если его за ветром не слышать. Луны не было. "Какова картина?" - спросил меня капитан... "Безобразия, беспорядок", - отвечал я", - вспоминал Гончаров. И парадокс: "Фрегат "Паллада" до сих пор признан одним из лучших произведений о морских путешествиях. Нет, конечно, не парадокс. Это ведь Гончаров, а не Обломов. Возможно, писатель всю жизнь доказывал, что Обломов никакого к нему родственного отношения не имеет. Впрочем, своим сильным творчеством он это доказал.

Но "Обломов", как бы этого не хотел автор, стал самым лучшим его произведением. Причем одним из тех, уникальных, которые нужно в идеале прочесть три раза в жизни. В юности, чтобы со свойственной юношеской энергией, осудив Обломова, заявить: я так жить не хочу. В зрелости, когда начинаешь обожать Обломова, завидовать и пытаться ему подражать. Лежа на диване. Чтобы наконец вскочить и заявить: я так жить все-таки не хочу. И в старости. Возможно, уже возненавидеть его или сильно пожалеть. И сказать: я так умереть не хочу.

Это поразительный роман. Без сложного сюжета, без стремительной фабулы. Медлительный и терпеливый. Словно о смене времен года. Весна. Обломов просыпается (на пару сотен страниц просыпается!) Летом влюбляется. Осенью скучает. Зимой засыпает...

Роман наделал столько шума! Славянофилы разглядели в Обломовщине чуть ли не лучшие черты русской жизни, такой патриархальный уклад. Либералы-западники - проявление "русской национальной болезни". Социал-демократы утверждали, что обломовщина ни что иное как социальное явление, следствие крепостничества...

И все же секрет успеха роман был в чем-то большем. Наверное, в том, что в каждом из нас неизбежно живет Обломов. Даже, если мы уверены, что не живем. Даже если мы такие деятельны, как Штольц, даже если мы такие идеалисты, как Ольга Ильинская. Даже если мы европейцы или азиаты. Есть такая партия - имени

Обломова. И Гончаров ее создал своим бесспорным талантом. Когда любому из нас хоть раз в жизни хочется укутаться в уютный персидский халат и залечь на диване, укрывшись с головой одеялом. И пусть даже муха жужжит на окне. И паутина блестит в углу. На столе тарелка со вчерашнего ужина. И графин с недопитой наливкой. "Глядишь, кажется, нельзя и жить на белом свете, а выпьешь — можно жить!.." А за окном - мягкий рассвет. Или это уже закат? И помечтать можно о чем-нибудь этаким. В общем-то ни о чем. И сон увидеть неприятнейший. О своем райском детстве. И почувствовать прикосновение теплых маменьких рук. И вдохнуть жар самовара. А у печи увидеть медведя из нянькиных сказок. И пробежаться по пшеничному полю. А потом проснуться, зевнуть. Взять книжку и отбросить тут же ее. Поморщиться, потому что накопилось куча пренеприятнейших дел. Да ну их! Дела могут и подождать. А там, глядишь, и сами собой разрешаться. Ну разве не красота? Не свобода?

И в этом однообразии дней есть некая вечность. Это Мцыри у Лермонтова хотел прожить три дня на свободе, чем в неволе всю жизнь. Обломов же выбрал для себя вечную свободу. И, как ни парадоксально, но в этом ничегонеделаньи есть тоже протест. Вызов миру и обществу. Почти как у Чацкого. С одним отличием - протест молчаливый.

И что правильнее: не совершать зла? Или делать добро? Ведь любое общение - это и зло, и добро неизбежно. Это они, штольцы, пусть возвращаются в обществе, путешествуют, гребут деньги лопатой, преклоняются перед сильными, зарабатывают чины.

Обломов выбирает свободу. Даже если она ограничивается диваном. И глотком холодного кваса. И дождливым окном. И персидским халатом. И пустыми мечтами. И потерей любви и мечты. И неизбежной Агафьей Матвеевной... "За-ха-а-р!"

Общество, в котором жил Гончаров было далеко не справедливым. Пушкина и Лермонтова довело до могилы. Шевченко забрало в солдаты. Чаадаева объявило сумасшедшим. Салтыкова-Щедрина уpekло в ссылку.

А Гончаров пишет роман о скуке и о потере смысла жизни. Может быть, для того, чтобы нам удалось преодолеть скуку и найти смысл в жизни? Или хотя бы попытаться? Даже, если на диване.

Впрочем, сегодня этот роман современен как никогда. Увы, но общество все конкретнее делится на обломовых и штольцев. Только обломовы гораздо менее чисты и непорочны. А штольцы более наглые и безнравственные. А где же третьи?

Последние двадцать лет великий писатель Гончаров прожил в полном, почти болезненном уединении. Без семьи, без близких друзей. Уныние и одиночество. Он умер от воспаления легких в Петербурге. Свою литературную собственность завещал семье старого слуги... "За-ха-а-р!.."

"Без жертв, без усилий и лишений нельзя жить на свете: жизнь - не сад, в котором растут только одни цветы..." Конечно, Иван Александрович Гончаров не был Обломовым. Он прошел и через жертвы, и через усилия, и через лишения. Порой в одиночестве. Он искал свой цветущий сад. Потому что честно спрашивал себя: "зачем жить?" А не "как жить?". И, наверное, находил ответ. Для всех нас. Впрочем, как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД. "ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ" И АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ («ЮНОСТЬ», №12, 2014)



Иногда кажется, что он сочинил свою жизнь. Легко и мучительно. Точно так же как сочинял свои романы. Легко и мучительно. Словно не судьба нагнала его. А он захотел, чтобы его судьба была именно такой. Чтобы "американская мечта" закончилась неизбежной американской трагедией. А джаз неизбежно оборвался реквиемом. Впрочем, не нам судить его судьбу. А он, вполне возможно, ее бы запросто оправдал. Ее "Крушение". И вполне возможно не задумываясь бы ее повторил. Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Классик американской литературы "потерянного поколения", познавшего первую мировую войну. Писатель редкого и щедрого таланта. Рано познавший, что за талант расплавляются. За свой талант, такой неуловимый, такой неповторимый, такой нежный и лиричный, как "узор бабочки на стекле" или узор на замерзшем окне "в одно прекрасное утро"... За свой талант он заплатил дорого. Слишком дорого.

Хотя все начиналось с "эпохи джаза". Термин, придуманный Фицджеральдом. И сам писатель стал неким символом этого времени, возможно, его талисманом. Или пророком. Нет - скорее, заложником. Эпоха от первой мировой до великой депрессии. Он не просто придумал этот термин. Он откровенно принял эту эпоху. И стал жить по ее законам. Слишком уж откровенно. Когда «Всю страну охватила жажда наслаждений и погоня за удовольствиями». До экономического кризиса 1929 года еще так далеко! А пока "Америка затевала самый массовый, самый шумный карнавал за всю свою историю". И в это время всеобщего карнавала Фицджеральд надевает карнавальный костюм. В это время всеобщего маскарада примеряет на лицо маску. Как весело жить! Сиюминутно. Плевать на честный труд! Плевать на своих отцов и дедов! Места для Бога нет. Можно все взять от жизни здесь и сейчас! И так хочется, чтобы праздник никогда не кончался. Брызги шампанского, ананасы в шампанском, и жизни мы смеемся в лицо. И жизнь смеется в лицо нам. Да будет вечный праздник. Хотя праздник не может длиться бесконечно. Но им, ребятам из джаза, такого ритмичного, хаотичного, так не кажется. А почему бы и нет?. Главное, чтобы наступило "прекрасное утро". И потом - все сначала... Пьяно и весело жить! И утолять жажду жизни. Но жизнь получается все таки, как с похмелья. И это понимал Фицджеральд. И мало кто понимал его. Что на этом карнавале-маскараде он оставался собой. Мучеником и..каким-то очень уж посторонним.

Он всю жизнь доказывал, что необходим этому миру. Что не только -мир для него, но и он для мира. И Назван Скотт был в честь своего двоюродного прадеда, автора текста государственного гимна США " Усеянное звездами знамя" Фрэнсиса Скотта Ки. Его семья из знатного рода (ирландских корней) знала и богатство и разорение. Фицджеральд получил прекрасное образование в престижном Принстонском университете. Но его не раз обвиняли (в том числе и его друг-соперник Хэммингуэй), что он очарован миром богатых, так "не похожих на нас с вами". Легенда о Фицджеральде. Которая убивала истину.

Писатель был гораздо умнее этой легенды. Его творчество не нуждалось в демонстрации ужасов войны, крови и пота. В отличие от творчества того же Хемингуэя. Искусство имеет право быть разным. В этом его сила. Разным подчерком писать об одном мире. Творчество Фицджеральда просто тоньше и глубже доказало, что он сам был полон "незатухающей ненависти" к этим "непохожим". Прекрасно понимая, что осуществление "американской мечты" - всего лишь иллюзия, которая приведет к неизбежной расплате. Но легенда о Фицджеральде навязчиво завоевывала место под солнцем.

Гертруда Стайн писала, что он "создал новое поколение". Значит и виноват? В поколении гламурных бездельников, разрушителей, преклоняющихся перед золотым тельцом? В чем еще виноват? В своей любви к Зельде? Такой экзальтированной, такой остроумной и умной, и такой сумасшедшей? За любовь не судят. Это его любовь. И его муза. Музу не судят тем паче. Музы, как и творчество - разные. Может, Зельда и была "главной ошибкой" Фицджеральда. А, может, без нее он вообще бы не стал писателем?

Не все спокойно (трезво?) переживают свой взлет. И не все - падение. Он спокойно не пережил ни то, ни другое.

А пока - "По эту сторону рая" его ждал ошеломляющий успех. Судьба повернулась к нему лицом. Молодость, слава, любовь. Что еще нужно в жизни? "Прекрасные, но обреченные" в эпоху "сказок о веке джаза" не думали о своей обреченности. Хотя, как знать...

Самым великим его романом стал "Великий Гэтсби". Автор и сам считал его вершиной творчества. Время это проверило. «Великий Гэтсби» является обязательным для прочтения в старших классах средней школы и в вузовских дисциплинах во многих англоязычных странах.

А в 1998-м году был опубликован список ста лучших англоязычных произведений двадцатого столетия по версии издательства Modern Library, в котором роман Фицджеральда занял вторую строчку.

Этот роман можно назвать и "Утраченные иллюзии" и "Американская трагедия". И даже - "Братья Карамазовы". Сам писатель сравнивал "Гэтсби" и "Карамазовых", указывая на обожаемого им Достоевского как на идеал творчества: "Великий Гэтсби" - не столько драма отдельной личности, сколько драма большой идеи, получившей ложное воплощение". Но Фицджеральд назвал его "Великий Гэтсби".

Здесь и ирония, и разочарование. Ложное и истинное. И между ними - Гэтсби. Ложное время "самой дорогостоящей оргии" под звуки сумасшедшего джаза. Время, которое уничтожило не одну жизнь. Гэтсби, великий незаурядный Гэтсби, типичный американский "мечтатель", даже влюбленный романтик, с грустью вззирающий на звездное небо. Всего лишь на деле нувориш, спекулянт спиртным. И не только. Всю свою жизнь он посвятил убогой, дешевой цели. Богатству. Убога и дешева его любовь, к ногам которой он бросил всю свою судьбу. И за которую заплатил дорого - жизнью. Убог и дешев его "праздник жизни", где гости - манекены в гламурных нарядах. И ни одного друга. И пустота разговоров, где в голосах "звенят деньги". Сплетни, безвкусная роскошь и фейерверк, затмевающий настоящие звезды.

А истина в том, что этот насквозь фальшивый праздник не может не закончиться "взрывом". В финале три смерти. Только на первый взгляд кажется, что смерть Гэтсби бессмысленна. Нет, это типичная "американская трагедия". Потому что способы, которые Гэтсби выбрал для осуществления "американской мечты" - далеко не чисты и не честны.

И все же Фицджеральд оставляет место для искреннего сочувствия к Гэтсби. Может быть, из-за яркой неоднозначности героя. Или его тайны. Или интеллигентности, которая гораздо интеллигентней, чем у всех этих аристократов. И все же ни за какие деньги не купить любовь, совесть, биографию, дружбу, счастье. И праздник. И даже "одно прекрасное утро".

"Гэтсби верил в зеленый огонек, свет неимоверного будущего счастья, которое отодвигается с каждым годом.

Пусть оно ускользнуло сегодня, не беда — завтра мы победим еще быстрее, еще дальше станем протягивать руки... И в одно прекрасное утро... Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое..."

Самым последним романом стал - "Последний магнат", который имел все шансы затмить "Великого Гэтсби", если бы Фицджеральд его дописал. Потому что на смену "эпохи джаза" пришла "эпоха красных". Мало кто знает, что Фицджеральд понял эту эпоху. И ее масштабы, и значимость. Или знать не хотят? Что коммунист Бриммер далеко не случайный герой его последнего романа.

А между этими романами - "Ночь нежна". Но для писателя наступала просто ночь. Как-то быстро судьба повернулась к нему спиной. К концу 20-х годов его популярность упала. До самой смерти он вынужден был выживать, зарабатывая коммерческими рассказами и сценариями. Над ним с удовольствием произдевались и издательства, и Голливуд. По его же словам его использовали, как чернорабочего. Он им отомстил после смерти. Когда и издательства, и Голливуд уже дрались за право его издавать и экранизировать. (Или то, как скептик Домье из фильма Феллини «8 1/2» считал по-настоящему великим художником единственно Фицджеральда...).

А тогда он мучился, он сжигал себя, пытался свести счеты с жизнью. Любовь оказалась больной. Друзья предавали. Тяжелее всего он переживал, когда Хемингуэй бросил в него ироничную и резкую фразу в "Снегах Калиманджаро" о "бедняге Фицджеральде" и его "восторженном благоговении перед богатыми".

Легенда не умирала. Истина еще не родилась. Накануне сорокалетия писателя посетил прыткий корреспондент из «Нью-Йорк пост» и нашел его не в лучшей форме. В юбилейной статье Фицджеральд был назван «писателем-пророком послевоенных неврастеников». Он умер в 44 года. Ни одна книга его уже не печаталась. На столе лежал последний роман "Последний магнат". Незаконченный. Как жаль, что так все закончилось...

В письме к дочери Фицджеральд как-то написал: «Поэзия — это или огонь, горящий в твоей душе как музыка в душе музыканта, как марксизм в душе коммуниста. Или ничто, пустое и скучное дело». Фицджеральд выбрал огонь, а не пустоту. Он сжигал свою жизнь. Ради того, чтобы под магическую музыку слов зажечь огонь в сердцах читателей. И зажег. Навсегда. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир. ▲